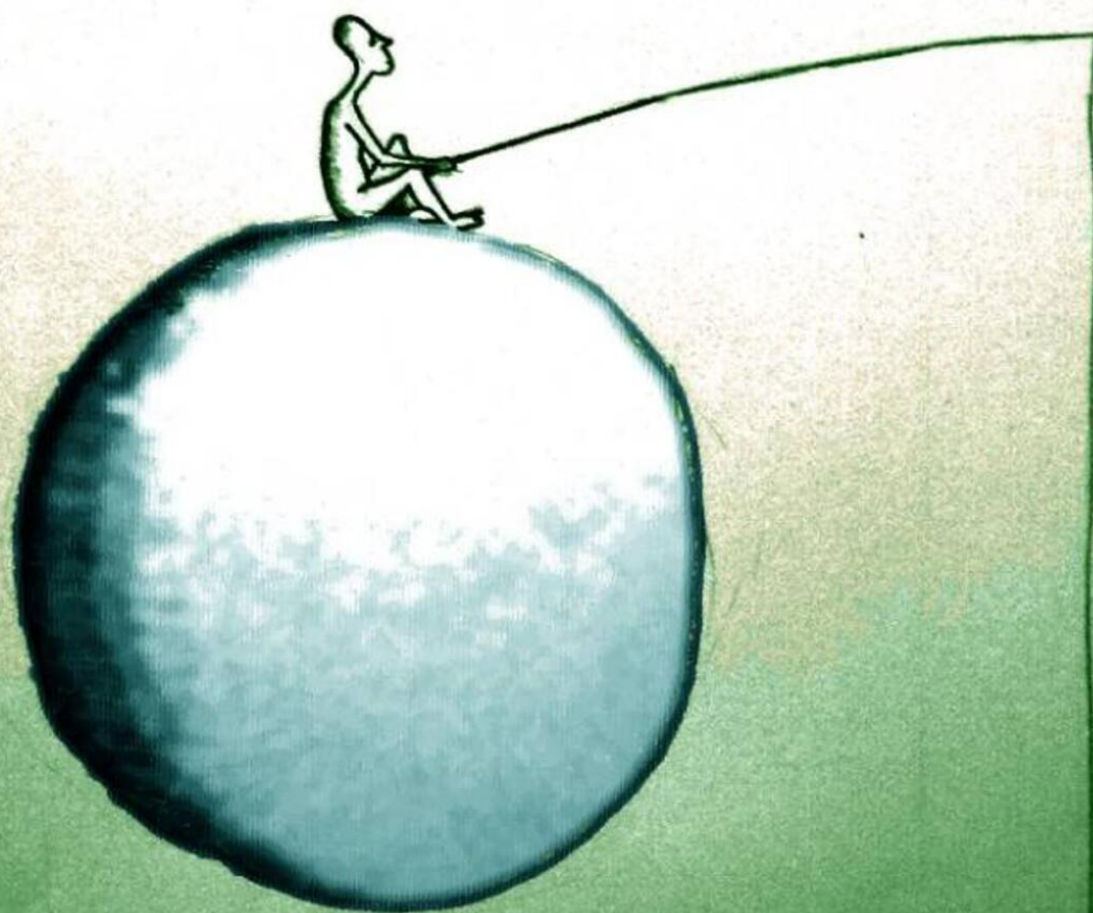

одуй

приключения
ЭНЭЛОТИКА
ГУМПО

Михаил Одуй

Приключения энэлотика Гумпо

«Автор»

2025

Одуй М.

Приключения энэлотика Гумпо / М. Одуй — «Автор», 2025

История про инопланетянина, попавшего в тело пьяницы, но в конце концов, спасшего нашу планету. В романе много юмора, приключений, настоящая любовь и радость жизни...Как сказал один мыслитель, "Прочёл быстро, было интересно, местами валялся от смеха, очень оригинально, идеалистично... Не знаю, с чем сравнить."

© Одуй М., 2025

© Автор, 2025

Михаил Одуй

Приключения энэлотика Гумпо

Часть 1 СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ

Ваня Бабилов – жалкий пьяница – молодой необратимый алкоголик и, как сказала сердобольная соседка тётя Катя, "кровавая мозоль на язве социальных извращений" с утра, как насос, накачался какой-то разящей бурды и терпя дикий шторм, вразнотык пробирался сквозь мнимую зыбкость пространства к своей вожаделенно намеченной цели.

Срываясь ногами с коварных бордюров и сложно падая через внезапные скамейки в размятые по праздникам кусты, причудливо при этом, выражаясь, пугая нянек и младенцев и непрерывно оступаясь от икоты, он, всё-таки, дошёл до запада, где вознамерился перевести дыхание.

Влекомый сонмом эротических фантазий, он даже не успел обнять кудрявую ракиту, как некая штуковина похожая на шайбочку или случайный камушек с отяжкой чакнула ему по голове со стороны полуденного солнца и, срикошетив об ракитин ствол, безвольно юзнулась в траву.

Светильник разума угас и Ваня примагнитился к земле.

Часть 2 НАВАЖДЕНИЕ

Гумпо очнулся не сразу.

Вбреду он метался, стонал и лежал лицом вниз. Его непрерывно и страшно мутило. Потом, когда он начал что-то чувствовать, он был так слаб, что даже не пытался встать. Ужасная боль во всём теле не позволяла даже глубоко вдохнуть. Когда она постепенно расплзлась по телу и слегка притупилась, он уснул и спал весь вечер, ночь и утро.

Он, видимо, слегка восстановился, потому что, когда жуткий рёв и яркий свет открыли ему очи, он, резко приподнявшись, дёрнулся назад, упёрся спиной в ракитин ствол и замер.

Невероятно раздрающе и режа слух, огромное количество блестящего металла одним наляпанно-отломанным куском, ревя, свистя и будоража, летело прямо на него, но с сатанинским грохотом перелетело мимо, и перейдя на низкий рокот, удалилось, оставив в теле дрожь и сумасшедший страх.

Потрясение было невероятнейшее.

Вместо чудовищного грохота и груды сверкающего металла, сияющая в бесконечной синеве, звезда освещала огромнейший зелёный массив растительности, беспросветно уходящий к горизонту. Из буйных этих дебрей тут и там виднелись искусственные белые строения с множеством ячеек, а сразу перед зелёным массивом лежал широкий голубой поток, покрытый рябью волн.

Гумпо сидел на огромном высоком обрыве.

Этот берег был крут. И на нём возвышались, как башни, высотные белые здания с прозрачными светлыми окнами. Стремительный, похожий на антенну белый шпиль начинался в макушках деревьев и гордо заострялся в голубой небесной бесконечности.

Через весь широчайший поток нависал длинный мост, уходя в берега. По нему и по потоку стремились-двигались какие-то, возможно, механизмы. Большие белые сооружения степенно плыли по потоку, распространяя звуки музыки и гам. По ним перемещались существа издалека похожие на мелких человечков!

Вдруг, что-то шевельнулось, и Гумпо с удивлением увидел ноги!

И эти ноги в каких-то грязных желтых башмаках, замызганных синих штанах – его ноги! И руки его, но чужие – совсем незнакомые странные руки – в коричнево-клетчатых коротких рукавах, грязные, в ссадинах, и на ладони шрам, которого там никогда не было!

Он с ужасом взялся за голову. И она оказалась на ощупь чужой! Лохматые жесткие волосы, небритые щёки и шишка на самом затылке – большая – нельзя прикоснуться!

Он безумно уставился перед собой:

Как ярко сияет звезда! Какое высокое синее небо и белые облака! Какой удивительно красочный мир! – думал Гумпо, – Куда я попал? Что за диво случилось со мной? Как жутко и нудно сосёт в животе! Руки, ноги дрожат, очень хочется пить.

Сидя он переместился в тень, где не так припекало болящий затылок, и сразу наткнулся рукой на какой-то предмет.

Это был небольшой овальный диск в диаметре меньше ладони и не толще мизинца – этакий плоский булыжничек – сплюснутый тор замутненно-молочного цвета с таким же овальным отверстием. Он посовал в дырку палец и швырнул его, как ненужный, в кусты.

При этом, сердце как-то странно ёкнуло, но тут же из кустов явилось некое живое существо и радостно сказала:

– Ах, Ванечка! Так, вот ты где! А я вчера ждала тебя за теми гаражами! А ты сидишь, как партизан, в засаде!

И с этими словами существо тоненько запищало, разбежалось, набежало и радостно прыгнуло на него, смяло и вдавило своим жарким телом в землю, в траву.

Гумпо только успел удивиться, что он понимает его незнакомую речь в общем смысле, но тут же забылся от боли в затылке, которым он снова куда-то воткнулся. Одолев приступ боли и открыв глаза, он увидел большую улыбку, нависшую над ним, как туча и робко спросил:

– Ты кто? – и сам же удивился незнакомой своей речи.

– То есть, как это – кто? – удивилось лицо, – Ты зовёшь меня Симпатичная Лимпопо! – заявило лицо и накрыло его своим жаром и влажностью жадного поцелуя, а когда со шлёпаньем оторвалось, спросило, – Ты что, не узнал меня? Это я – твоя девушка Шаша! А ты – капитан Ваня Бабилов – неизвестный герой и проходец! Ты сам так сказал. Ну, ты что?

– Меня зовут Гумпо.

– А я тётя Мотя! Подруга твоей тёти Кати! – существо отстранилось, внимательно глядя на Гумпо, и вновь улыбнулось, – Ну, Ваня! Опять куралесишь? – и пухлые круглые смуглые щёки разъехались в стороны, и карие глазки над кругленьким носом опять засияли и толстые-толстые губы, расплывшись, открыли отсутствие зуба. И вся вокруг кудрявая, всклокоченная шевелюра засветилась в пронзившем крону дерева луче.

Невероятно высоко две полные жаркие сферы, прикрытые тоненькой маечкой, приятно волновались, но, очень кстати, дополняли немного полноватое, удачно сложенное тело. А на ногах у неё были такого же фасона синие брюки в обтяжку и обувь вроде тапочек.

– Какая-то странная самочка! – подумал Гумпо.

– Фу, Ваня! Как тут грязно у тебя! – поморщилась она, – Ты что, тут отключился, что ли?

Он посмотрел вокруг, и в животе опять ужасно засосало:

– Мне бы помыться! И хочется пить очень сильно! – заметил он и вновь немало удивился, что так легко говорит на неизвестном языке и понимает то, что говорят. Наверное, действует телепатия?

– Пойдём купаться, Ванечка! Смотри, как жарко!

– А что такое "Ванечка" и "Ваня"?

– Тебе не нравится, как я тебя зову?

– Не знаю.

– Ну, Ваня Бабилов! Ну, ты даёшь! Ну, ты, видать, хватил вчера! А я, как дурочка, весь вечер просидела – ждала тебя!

Но, впрочем, это, видимо, её нисколько не смущало. Улыбнувшись своею широкой в разные стороны улыбкой, она бойко встала и, подойдя к обрыву, исчезла вниз, оставив только небо с дальним горизонтом.

А Гумпо глупо продолжал сидеть, не понимая, кто хватил, чего хватил, кто он, где он и что он. Как будь-то, это сон! Но сон невероятный и не сопоставимый со снами вообще – всё абсолютная реальность! Уж, боль-то не обманешь!

Но, не смотря на боль и беспомощность, он удивлялся, какая кругом необъятная красота! Определённо, этого он никогда не видел – всё живое и в этом всём живом сосредоточена цивилизация!

На этом слове сердце снова ёкнуло, волна отупляющей боли нахлынула со всех сторон. Но снизу появилась голова и в нетерпении спросила:

– Ну, что ты, Ваня?

– Почему я Ваня? – думал Гумпо, но, подчиняясь призывно сосущему взгляду, он сидя добрался до края обрыва и начал спускаться.

Лимпопо, суча ногами и ловко балансируя своим противовесом, как козочка, перебегала от уступа до уступа, оборачивалась и смеялась над Иваном. А тот едва живой, трясясь руками и ногами, как якорь, ехал задом по обрывистой тропинке, хватал кудрявую траву и веточки кустов, смотрел на них, как будь-то, видел первый раз, и в сильном страхе повредить их, отпуская от растений и просто скользил и потел, как бестолковый робкий даун.

Однако, доехав до самого низа, он почти освоил своё тело и набрал такую скорость, что выпал мешком из кустов на ухоженный щебень и в ужасе, как мячик, отскочил обратно – с невероятным грохотом по двум железным параллелям промчалась жуткая стальная колбаса. Он даже закричал – настолько близко к голове прогремело страшное огромное железо – но сам себя не слышал.

Когда железные сосиски на колёсах удалились, не сразу заметил, что громко орёт, и умолк, провожая змею на колёсах, увидел, как бедняга Лимпопо окаменела словно истукан. Она стояла рядом в нескольких шагах, разинув рот и очумело-глупо наблюдала за Иваном.

Потом она причудливо пошевелила головой и медленно произнесла:

– Ну, Ваня, ты даёшь! – и так ещё немного постояла смуглая, лохматая, кудрявая, задастая, вымистая, с тонкой талией.

А Ваня, глядя на неё, внимательно и вежливо сидел в спокойных лопухах.

– Попей водички-то! – задумчиво сказала Лимпопо.

В трёх шагах от Ивана из обрыва, словно из стены, торчала чёрная труба, из которой текла толстомясая струя удивительно чистой, хрустально-прозрачной холодной воды. Тропинка примыкала к ней, собравшись в некую площадку среди обильных сочных лопухов. Ручей стекал в отлив и убегал вдоль насыпи.

Больной сам собой притулился к источнику, начал пить. Он, словно гордый олень, воздымал свою мятую голову и, унимая леденящую ломоту, подолгу удерживал влагу во рту, ничуть не сомневаясь в чистоте природного продукта.

А Лимпопо внимательная наблюдала.

Потом они перешагнули через несколько блестящих, параллельных длинных железок, приколотых к каменным поперечным брускам, которые, как лестницы, красиво изгибаясь, уходили в ближайшую бесконечность и терялись в зелёном беспределе и белых от света строениях крутого берега. Немного прошли вдоль искусственной каменной ровной стены и через выбитую кем-то щель проникли на очаровательный песчаный пляж, поросший сквозь песок дремучими обширными кустами из тонких длинных веточек, покрытых зеленью продолговатых листьев.

Между кустов песок соприкасался с жидкостью воды, которая не скоро, но массивно протекала мимо. И дальний берег, и его кудрявые зелёные деревья и небольшие разноцветные, уютные сооружения, лужайки и песок, как будь-то, двигались против течения, но это только так казалось.

А над водой на синем фоне неба стремглав летали белые живые существа и резко вякали истошными пронзительными голосами. Иногда они внезапно бросались – втыкались в воду, но не тонули, а улетали прочь, и уносили что-то выхваченное на лету из воды в своих отточено-острых пинцетах.

– Ну, что ты встал-то, Ваня? Раздевайся, – кудрявая щекастая смотрела на него опять, как давеча – не понимая, что творится с человеком.

А тот стоял в юродиво-трусливом полуприседе и не мигая пялился испуганными круглыми глазами.

– Какой-то ты, Ваня, сегодня ушибленный.

– Они нас не ужалят?

– Кто? Чайки? Раздевайся! Сейчас искупаемся, будет полегче. Смотрю я – допился ты, Ванечка, до зелёных чертей! Так, ведь, и белочку можно поймать! – заметила она и стала раздеваться. При помощи сучительных движений бедер с трудом стянула свои джинсы и оглянулась на Ивана.

Тот как-то очень тяжело соображал и тормозил – ещё совсем не веря чайкам и ничего не понимая про чертей, он глянул влево, вправо и не заметив белочку, стал, наконец-то, по примеру Шаши раздеваться, внимательно разглядывая пуговицы и прочие сцепления одежды.

Всё оказалось просто.

Но, сбросив всё и оглядев себя, он обнаружил пуп! Он обнаружил кое-что ещё, но пуп потряс его невероятно! Он даже кое-что не стал рассматривать, а всем своим сознанием сосредоточился в пупке:

– Всё можно объяснить! Но – это для чего? – он бормотал и трогал пуп дрожащими неверными руками, – Быть может, это травма?

Но тут горячее трепещущее тело прижалось сзади жаркой нежной обнажённой плотью и жадно задышало в ухо.

Он замер, чувствуя спиной всем телом каждую деталь горячего чужого организма. Немного постоял так без движений и осторожно прикоснулся пальцами к её крутым, прильнувшим бёдрам и, осторожно касаясь, поднялся по ним к таинственному месту их соединения.

Она затрепетала, задышала, ещё сильнее сковав его в объятия.

Но он добрался до её пупка и стал настойчиво ощупывать его.

Она непроизвольно взгоготнула, отпрянула, забежала вокруг него, как дикая коза, и захихикала и заскакала и стала прыгать на него, как слоник.

И с первого же раза уронила.

Он, лёжа на песке, придавленный её стихией, робкий, словно мышка, сосредоточенно и напряжённо думал и вдруг спросил:

– А где же сумка?

Она притихла.

– Какая сумка?

Он затрепыхался, чтобы выбраться из под неё.

Она, растрёпанная, бестолково широко села в песке.

Он молчал и открыто рассматривал женщину.

Она смутилась, встала, что-то подхватила и забежала в воду.

Омыла тело от песка. Блестящая, красивая и мокрая вышла на берег, в каком то треугольничке на бёдрах, стряхнула брызги на Ивана, схватила маечку, джинсы и обувь и скрылась в кустах, бросив реплику:

– Пялится и молчит!

Он остался сидеть обнаженный, растерянный и бестолковый.

Лимпопо стояла у него перед глазами ядрёная, смуглая, в струйках и каплях воды – попка спереди и попка сзади, изгибы линий талии, очаровательные вымя, полные, как будь-то налитые и невероятно высоко – аж там, где у него у Гумпо грудь! Но самое загадочное – сумки нет! А вместо сумки только углубление пупка по центру живота – как у него!

Вдоль берега с надрывным воем по воде подъехал какой-то насос с сидящим на нём ездом. На всём ходу насос внезапно кувыркнулся, седок слетел с него, насос без управления пошёл дугой неведомо куда, а тот, кто вылетел, поплыл вразмашку прочь и крикнул:

– Извращенец!

Гумпо внимательно с недоумением следил за ним – кабы, ездом не утонул, пока того не подобрали на борт другого более стремительного и более крупного водного механизма.

Жжение звезды заставило тело двигаться. На нетвёрдых четвереньках он приблизился к воде, осторожно потрогал её. Приятная прохлада не прихватила льдом, как родниковая, но

уладила и ласково поманила в себя, однако, лезть в неё, как Лимпопо, он не решился, а только пошлёпал всего себя мокрой ладонью.

Увидел в воде отражение – в песке колени выдавили ямку, которая заполнилась водой, и он разгрёб её пошире. Вода разлилась в ней спокойно, и Гумпо увидел лицо.

Но это был не он! Из лужи на него смотрел смешной ушастый и лохматый гуманоид с короткой недельной щетиной, как волосы, рыжего цвета и голубыми глупыми глазами! Он помаячил в отражении рукой, но вдруг ударил в это зеркало, зашёл в поток по локти и опустил отчаянно в него больную голову.

– Ха! Смотрите! Смотрите! Дядька стоит кверху телевизором! – услышал он, когда обратно вынырнул вдохнуть.

Между кустов стояли головастики в коротеньких штанишках и трусах.

Они смеялись и, когда он оглянулся, убежали – быстро скрылись и затихли.

И Гумпо вдруг поймал себя на только что мелькнувшей мысли – "гуманоиды" – и весь похолодел. Картина положения внезапно стала проясняться.

Как будь-то, вспыхнул потухший в темноте экран:

Он вспомнил, как загадочным воздушным пузырьком в чёрной толще глубокой воды приближалась живая планета, как долго он любовался её океаном и рельефными континентами, летая по орбите, сменяя день и ночь, как стремительно ворвался в атмосферу, и пронзив туманы облаков, сбавил скорость и поплыл навстречу заливавшей всё светом, сияющей в небе огромной звезде над непонятной живостью гигантского материка, опутанного венами могучих рек.

Он погнался за летающим металлом, который так ужасно не ревел, как давеча без звукоизоляции, затем без всплеска погрузился в океан, прошёл по мраку самого глубокого подводного ущелья, поднялся в воздух и помчался к одному из двух похожих друг на друга треугольников-материков. Но на подлёте к одному из них, вдруг, заработала тревожная сирена и видимость пропала. Чтобы избавиться от столкновений и падения, он развернулся вверх и резко увеличил скорость, надеясь выйти за пределы атмосферы. Но больше ничего не видел. Он только вспомнил ярко вспыхнувшее, окутавшее корабль, мерцающее сияние. Что случилось? Что произошло? И почему он, как его там, Ваня Бабилов? Как же это могло получиться?

– Говорила мне мама – не надо на эту планету летать! Жмёт сирень твою черёмуха! – последнее выражение вырвалось гневно и как-то с оттяжкой и как-то уж больно само по себе.

Ужасное чувство неволи и чёрного мрака от выплывшей тайны сдавило, вдруг, сердце и грудь. Отчаянье разом отняло все силы и разум.

Он сел и обмяк и почувствовал страшную тяжесть, с какою планета пленила его, притянула, прижала, вмагнитила и захватила.

ПРИШЕЛЬЦЫ

Красота осталась непонятной и волшебной, но он уже не принимал её энергию. Безвольно смотрел, как по глади потока шныряют спасатели, ловят сбежавший от гонщика ловкий насос и не могут поймать, потому что боятся с насосом столкнуться.

На том берегу, на песочке заметнее стало гуляющих, отдыхающих и лежащих полуголых существ.

– Какие, однако, у самочек вымя! Наверное, они мешают их рукам? – подумал Гумпо, вспомнив Лимпопо, и стал рассматривать свои соски, которые росли на том же месте – как у женщин.

В кустах опять хихикнули, и что-то пронзительно больно ударило в спину. Гам и шлёпанье ног сразу стихло – головастики бросили камнем и струсили.

Он поднялся и понял, что надо одеться. Но, только стоял и смотрел на чужие несвежие вещи.

По берегу опять загрохотала "колбаса". Он стоя проводил её сквозь каменную щель забора, с сомнением косясь на чаек, стоящих поодаль в песке и нагло и спокойно наблюдающих за ним.

– Ого! Смотрите-ка – скучающее тело Микеланжело! – послышалось в кустах и перед Гумпо телепаясь появилось трио инопланетян. Из них одна уже известная особа.

– Ну, здравствуй, Ваня! – басисто пропел здоровенный кудлатый самец и перекрыл собой проход в кустах. Его заросшее лицо шокировало Гумпо так же, как те два женских полушария и пуп.

– Ты что же, Саша, не могла его одеть?

– Ну, не змогла я не змогла! – сказала тихо Шаша и вздохнула.

Но выдохнула больше, чем вдохнула и даже как-то сдулась и стала не видна за бородатым.

– Ты, Ванечка, кончай дурить – прикройся чем-нибудь – твои друзья не терпят извращений. А то и говорить с тобой совсем не ловко, – подходя, прогудел бородатый и протянул к нему свою ручищу.

При его наступлении Гумпо слегка отстранился. Но в поведении здоровяка была такая простота, расположение и ясность, что он в ответ подал свою чужую руку и почувствовал мягкое, но прочное пожатие.

На ощупь оно показалось знакомым!

Второй – худосочный очкарик с пакетом – протянул свою костлявую ручонку и тонко пропищал:

– Я Лесик.

Гумпо, подумав, ответил:

– Я Гумпо.

– Что "гумпо"? Что такое "гумпо"?

– А что такое "лесик"? – удивился Гумпо.

Все стояли и смотрели на него.

– Мы на вокзале познакомились, – кивнул бородатый на Лесика.

Тщедушный гуманоид нервно захихикал, но икнул и смех его от этого прервался.

Все в тишине, не двигаясь, немного помолчали.

– Доставай! – проворчал бородатый тщедушному.

И все задвигались.

– Вот видишь, Елесик, что сделал уже алкоголь с человеком? – пропел-просипел бородатый.

– Ох, да уж. А я, ведь, раньше был крупнее! – зачем-то сбрыхнул ему Лесик.

– Оденсья, Ваня! – Лимпопо протянула одежду, но сама же бросила её в воду – до того она была испачкана съезжанием с горы.

Удивительно – Гумпо почувствовал стыд от наготы чужого тела! И ему было вдвойне удивительно, что ему было стыдно от этого за себя. Но он не в силах был что-либо предпринять из-за парализовавшего его вопроса – где, собственно, его родное тело?

Тем временем бородач и тщедушный сдвинули побелевшие от времени, воды и солнца два бревна – устроили седала и постелили между брёвнами газеты вроде скатерти.

– Я их тут сразу встретила на летнем ресторане у вокзала, – заговорила Лимпопо, – и повела тебя лечить. Они уже, как видишь, замахнули. Хорузя продал свою дачу. Теперь он, ты знаешь, богатый.

Она поелозила мокрой одеждой в золе старого костровища и стала тереть её песком.

Потом полоскала.

Те двое хлопотали над "столом" в тени обширного куста.

Бородатый был широк и крепок. В чёрной гриве у него виднелась седина, лоб, глаза, немного щёк и нос. Лицо было красное, брови густые, нос сизо лиловый, губы плотные в усах, глаза большие, чёрные, спокойные и умные. На теле серая короткорукавая рубашка навыпуск и серые более тёмные брюки. Коричневые туфли.

А мелконький был в белых шортах и фуфаечке, но всё на нём висело, словно балахон. И сам он был белёсенький, под тоненькой панамочкой, в таких увесистых очках, что было странно, как они его не уронили до сих пор. Костлявенький и остроносенький и глазки в лупах мутные, как пуговики кальсон. Сандальки на тоненьких косточках.

– Я этого костлявого совсем не знаю, – сказала Гумпо Лимпопо, – Вот на. Надень. Ты в этих полосатых трусиках, как ценник!

– Как кто?

– Тьфу, на тебя!

– Ну, что? Давайте будем поправляться? – законтробасил бородатый, протягивая Гумпо полстакана, – Конечно, мы с Елесиком с утра уже по маленькой вдохнули, но выпить мы всегда не дураки! И наши нервы для сего деяния всегда напряжены – ты только свистни – мы уже косые!

– У меня есть знакомый, – заметил уже деликатно-поддатый Елесик, – так он так про-спиртован, что резко и громко скажи ему «Водка!» – он сразу закачается и упадёт, как невменяемый и, потеряв сознание, уснёт!

– Ну, этому надо настырно и долго учиться. А пока, для того, чтоб вернуть тебя, Ваня, обратно в сознание, попробуй "Напиток обратного времени". Я пробовал. Он освежает. Гор-тань вибрирует, как новая рессора!

– А я то ваще не пью, а то пью – ваще! – сказала Шаша, отстранив себя от стирки.

– Как ты напиток назовёшь, так он и вылечит тебя! – сказал Елесик, поправив толстые очки стаканом.

– Вы врёте – это водка! – воскликнула, вдруг, Лимпопо.

– А что такое "водка"? – спросил у них Гумпо.

И все опять переглянулись.

– Клава, я балдею! – нервно воскликнула Шаша и, наскоро прикрыв ладонью рот, уставилась, как дура на Ивана.

– Водка – это страшный яд и беспощадная погибель организма! Конечно, если ей неправильно лечиться, – как нивчём ни бывало, ответил Хорузя и сунул стакан в руку Гумпо.

– А? – робко пикнул Елесик, туманя глаза свои лупами.

– Что же ты, Ваня? – воскликнула горестно Шаша и сдвинула брови шалашиком. Причём её, безразличная к окружающим, вся, как будь-то, застыла во взрыве, который только начал разлетаться.

– А это что? – спросил Иван и указал рукой в газеты.

– Вот эти жёлтые рогалики – бананы, – как доктор, стал спокойно объяснять Хорузя, – То – пузырьковая вода, а сё – огуречные палочки. Ты, ведь, сам так назвал эти глупые длинные овощи? Анананы или бананасы мы сегодня не едим, ибо скорая помощь не терпит напрасных излишеств! Ну, давайте же, братцы, отравимся – примем дружно по рюмочке яда, и будем робко ожидать кончину мира, пока петух не свистнет на горе! Пусть иногда нам будет плохо, но только лишь с похмелья! Давайте будем погружаться, пока нам радостно чувывают древесные птенцы и солнце голову ещё не проломило, и не пришёл к нам преждевременный кирдык! – и с этими словами он опрокинул свой немаленький стаканчик в свой разомкнувшийся огромный рот и громко крикнул в бороду и обагрился дополнительным румянцем.

Елесик, зажмурив опухшие стёкла, старательно влил в себя едкую жидкость, печально и тоненько хрюкнул и просипел через силу сквозь узкую ротовую щель:

– Ежедневное питьё сокращает бытие! – и заткнул себе нос огурцом.

– До весёленьких огоньков! – прохихикала Лимпопо. По серьёзному выпила и зашипела "какаколой".

Гумпо решительно сомневался в стерильности и совместимости снеди со своим организмом, но Ваня Бабилов так быстро и с такою жадностью закинул весь стакан в себя, что Гумпо даже не успел заметить, как проходил процесс борьбы. К тому же, оба очень скоро забалдели и Гумпо перестал сопротивляться. А Ваня Бабилов хватал рогалики, не думая, сдирает с них ловко кожуру и был уже вполсытабрюха пьян. Он это делал с толком знающего человека, но прекратил глотать от некой, вдруг, возникшей тишины.

Компания смотрела на него и молча одобряла – Лимпопо снисходительно улыбалась, как удовлетворённый своею миссией миротворец, Хорузя внутри бороды что-то плавно жевал, и даже по бледным щекам худосочного Лесика торжественно пошли довольные красные пятна радости.

– А чё ждатель-то? – сказал, вдруг, Елесик, – Давайте ещё поскорей понужнем по одной, пока не начало тошнить?

– Ты что, действительно такой герой, как выглядишь? – удивился Хорузя.

– Потом поговорим! – прервал его Елесик и ухватил "бразды" за горлышко.

– Тогда, как говорил великий Юлий Цезарь, наливай и властвуй! – изрёк удивлённо Хорузя и обратился к молодым, – А вы когда поженитесь?

Тут Шаша вся воспламенилась, смущённо захихикала и отвернулась.

А Гумпо спросил:

– Это что?

– И действительно! – согласился Хорузя, – Мне тёща язва цветы подарила. Что теперь делать? Не знаю.

– Жениться, – заметил Елесик, – это значит созидать очаг стабильного питания, потому что "жениться" от слова "жена", что по-современному звучит, как "женщина". Это слово можно разложить по-чеховски на составляющие части: "жен" – это корень "женщины", "щи" – еда (или пища), "на" – это "всегда – пожалуйста!"

– Удивительно! А я, вот, как-то, стоял на остановке, стоял, и вдруг – хрясь! – и влюбился! И сразу же – хрясь! – и прошло! – подпевал, бубнил Хорузя, – Потому что настоящая женщина – это неожиданная женщина, к которой не можешь привыкнуть. Но есть один коварный парадокс – женщине надо быть за мужчиной, а мужчине надо быть свободным!

– Если женщина очень красивая, то всю жизнь только ей и придётся служить! – заключил, вращая лупами Елесик, – А самый первый каприз женщина устраивает мужчине ещё до знакомства – когда заставляет его обратить на себя внимание.

– Красота – это то, что постичь невозможно, – согласился Хорузя, – притяжение, жизнь и любовь никогда не понять.

– Красота – это улада. Удовольствие – более низкое чувство, – заключил Елесик.

– Что не безобразно, то и надо считать естественным, – ответил так же по-учёному Хорузя.

Гумпо и Шаша, следя за беседой, синхронно вращали лохматыми головами.

– С мечты всё начинается и ею всё кончается! – вдруг заявил Елесик и привёл портативную схему развития семейной жизни: сперва – мечтания, знакомства и свидания, а после – свадьба, блуд и ссоры.

– А где мечты, которыми кончается?

– Человек так устроен, что после ссоры и трагедии опять начинает мечтать и это верный признак, что он поправился. И хоть ты кол ему об голову теши, он будет вновь и вновь искать своё сомнительное счастье. И большинство людей с огромным удовольствием встают на те же грабли. А дети внимательно смотрят и учатся жить. Конечно, есть единолюбцы, которые скромны и совестливы, что, разумеется, прекрасно. Тут всё зависит от того, как Бог тебя пошлёт. Вот, например, один воспитанный скромняга ужасно страдал от своей робости и воспитанности. Бывало, к нему обратится какая-нибудь незнакомка на улице, так он от неожиданности так, бывало, вздрогнет, что вскрикнет, дёрнется, ударится об угол или об косяк и даже упадёт и разобьётся. И вот, он влюбился в одну из девиц. И та в него тоже влюбилась. Но вместо того, чтобы сразу женить, бог послал его укреплять свои чувства. И тогда он отправился в путешествие – покорил все деревни и города – показал себя со всех сторон и сам сумел высмотреть всех людей. А когда вернулся в родную деревню к руке своей возлюбленной, прошло столько времени, что у неё уже отнялись ноги. А те, которые немного побойчей, знакомятся и женятся, пока амурсы ещё точат свои стрелы. После развода опять бегут на вечеринку "Для тех, кого обольстили и бросили", которая зовётся "Танцы-манцы-обжиманцы" или, как в простонародье говорится, "Тискотека" и "Тиськи-тириьски" и там поскорее знакомятся вновь: «Девушка, девушка, как вас зовут?» "Ну, скажем, ну, допустим, Катя." "Ах, Катя! Какое хорошее имя! А вы не могли бы ребёночка мне народить?" "Для вас могу. Ведь, я как раз беременна!» – вот, так вот всё по-быстрому, скоро и ладно и даже зелье заворотное не надо за воротами сосать – его с соломинками тут же продают.

– Ты сам-то сколько раз женат? – спросил Хорузя радикального философа.

Тот гордо откинул себя и едва не свалился с бревна – Хорузя удержал его за ножку.

– Я устал предлагать себя женщинам! – заявил оратор и взгляд его воспламенился, но не сумел пройти сквозь мутное стекло, – Сейчас пишу книгу рецептов "О способах внезапного знакомства", – оповестил он после паузы, – Если хотите, кое-что скажу. Вот, например, в трамвае и подобном транспорте можно сказать: «Ого! Какие у Вас длинные ресницы! Вы их не боитесь в дверях защемить?» Это надо сказать непристойно-любезно, и женщина ваша! А если вы сидите в креслах, то надо так сказать: "Вы будете сходить?" Она вам – "Нет". "Тогда, давайте поменяемся местами?" Меняетесь местами и, едя далее, уже знакомитесь, как я сказал вам выше. Но лучше сразу брать несчастных "за рога"! Я говорю вам о касании. Вы знаете, что

всё решает первое касание? Прикосновение даёт искру любви и страсти! Допустим, в транспорте или в театре вы что-нибудь роняете под ноги и сразу начинаете искать и ползать там по полу. И ножки гладкоствольные у вас уже в руках! Вы прикасаетесь и говорите: "Скажите, пожалуйста, как пройти в областную клиническую библиотеку, как Вас зовут и чем Вы заняты сегодня вечером?" И, непременно, запишите её адрес на бумажку. Она увидит и поймёт, что вы серьёзный человек и сразу ваша навсегда! Рецептов этих очень много у меня! Вы знаете, как можно незнакомых женщин элементарно просто целовать на улице средь бела дня и даже в ночь-полночь? Надо только взять в руку жезл, надеть милицейскую фуражку и, остановив решительным жестом прекрасную незнакомку, сказать: "А ну-ка, барышня, дыхните!" Она вам дышит, подставляя алый ротик. Вы не спеша целуете её. И всё – она ваша! – Елесик так разгорячился, что даже привстал и застыл в страстном жесте, как памятник – штанишки на ножках, как два колокольчика.

– А как ты знакомишься на вечеринках? – Хорузя явно лил ему масла в огонь.

– А я не знакомлюсь. Они сами лезут. Я только хожу вокруг выбранной жертвы, смотрю неотрывно в глаза и сужаю круги, как удав. Ритмично – под музыку я усыпляю её, усыпляю... Её голова начинает кружиться, кружиться... Мадам расслабляет суставы и падает. Всё – она ваша! Или я разгорячаю женщин быстрым танцем. Одна у меня так распрыгалась, что даже выронила свой стеклянный глаз! Ну, это не суть – мы нашли ей другой. Там полно всего! – тут Лесик немного взгрустнул, но вздохнул и добавил, – Но, я её бросил. Ей не понравились цветы. Она швырнула их в лицо. Пришлось опять заказывать очки. Хотя, цветы в горшках стоят намного дольше. Они ей не понравились! Там другие такие стояли и нравились всем! Да, женщина – это загадка. И всё в ней загадочно. Особенно, таинственные всякие там вещи во всяких головокружительных местах...

Тут Шаша прыснула, не выдержав, и дружески хлопнула Лесика по плечу. И тот упал назад себя через бревно, обдав компанию песком, зацепленным сандаalkой.

Хорузя налету поймал подбитую бутылку:

– Тихонько, ребята! Лишаете праздник источника радости! Откуда потом будем черпать нектар вдохновения?

Под белы рученьки они подняли вместе с Шашей падшего оратора, встряхнули, усадили на бревно.

Гумпо, как сидел в полосатых трусах, так и остался сидеть.

В голове у него всё кружилось, чирикало, но сознание, как-то, работало, и он безотчетно всё слушал, старался запомнить и часто шевелил губами, как будь-то, проговаривал слова. При этом он периодически смотрел себе на пуп и сравнивал свои соски с увесистым хозяйством Лимпопо, но плохо понимал, зачем они ему. Постепенно ему начинало всё нравиться и как-то становилось хорошо и равновесело.

– Ну что, ты маленько отудобел? – обратился Хорузя к Ивану.

– Отудобел, – повторил монотонно Иван, отмечая словечко в сознании.

– Ну, давайте по несколько капель рассмотрим? Тогда изнутри, хоть, не так будет жарко! Всё ближе к телу солнечный удар!

– Давайте! – поддакнула радостно Шаша, – Только, Ваня, ты закусывай.

Ваня взял загнутый огурец и захрустел песком, подсыпанным сандаalkами Елесика, поглядывая на удар, который мог прийти от солнца.

– Сколько ни ем, ничего нового не происходит, – прозвучал, извиняясь Елесик.

– Ну, так, еда – это ж не мода. Стул жидкий или крепкий – всё равно – это стул.

– А мне очень нравится мода, – задумчиво сказала Шаша-Лимпопо и даже закачалась, – Они такие все красивые шагают... Модели! Подиум!

– У них такие ноги косолапые, что при ходьбе самим приходится через свои же ноги перешагивать! – заметил наблюдательный Елесик, – А первый признак красоты – это длинная голень! Лицо можно сделать, но ноги не спрячешь!

– Наши ноги для ходьбы, а у них для красоты, – добавил жующий Хорузя, – То есть, у вас, Александра.

Шаша пустила всем телом волну одобрения.

А Лесик почему-то взъерепенился и заявил:

– У женщин ноги от природы короче, чем у мужчин, и для пускания пыли они надевают всякие длинные каблуки, платформы и прочие протезы – удлинители, чтобы издали нам внушить, что у них ноги длинные, дабы привлечь к себе внимание самцов!

Хорузя, как-то, не вставая, двинул по бревну, и Елесик опять опрокинулся.

Однако, оратор совсем не умолк, а напротив, завёлся, как будто-то в голове его сломалась некая пружина, и не смотря на неудачные попытки встать, продолжил обличение неправды лёжа:

– Вот, скажем, раньше было очень всё пристойно – подолы были длинные и женщины привлекали внимание милыми лицами. Да, и по малости сходить было очень удобно – платочек уронила, села-встала – одно только мокрое место осталось. А нынче всё хозяйство на виду – привлекают внимание, как насекомые – и передом и голым задом! И тем же голым задом нагло лезут в личный мир через экран!

– Тут ты, Елесик, прав! – сказал Хорузя, – Диктуют образ жизни спекулянты! Потому что дело это прибыльное! А повторяют моду глупые мартышки! И когда эта мода становится массовой, поневоле приходится пользоваться только тем, что есть. А это уже говорит о развитии цивилизации!

На этом слове все заметили, как Ваня встрепенулся и обострил своё внимание.

– Мода с каждым днём становится всё разнообразнее и ближе к папуасам, – продолжал Хорузя, – Кстати, сознание едет туда же. Про нормальных я не говорю. На них пока ещё держится мир. Но говорить о них скучно.

– Наоборот! О них только и надо говорить! А то все хотят походить на героев-уродов с экрана! Так надоели все эти засранные крутые парни, все эти пошлые дешёвые понты, а деток, между прочим, к Рождеству всё чаще стали наряжать в костюмы всякой нечисти! И праздники пошли какие-то всё сатанинские – какие-то всё "Холуёвины"! Пословица гласит – куда народ, туда и урод – а на деле получается – куда урод, туда и народ! А где ты возьмёшь, скажем, нужную обувь, когда кругом массовое производство? – восклицал Елесик вверх ногами и трепыхая ветхими сандалями времён строительства Афин, – Когда я надеваю то, что носят все, я похож на урод. А я уже пожил и видел лучшее. Поэтому я надеваю то, что близко мне по стилю! Но мы не только про одежду говорим!

– От такого разговора одна только трезвость в уме! – басисто пробубнил Хорузя, – Ну, Ваня, хоть ты образумь человека!

Гумпо встал, посадил человечка в обратное положение, сел обратно, как только что сидел, и стал внимательно смотреть, как только что смотрел.

Лесик даже весь перенапрягся от лежания, но, как только сел в обычное для человека положение, вновь весь перенапыжился, да, так, что от натуги едва не потрескались стёкла очков:

– Порнокопытные!

Штамповка толпоногая!

Следовать моде последняя пошлость!

Люди-эпизоды и унитазный унисекс!

Чеки бизнеса, блики, детали машин производства!

Тётя-кошка плюс человек-пук получается человек-невидимка!

Если модно собаку звать девочкой, значит, девочку надо звать сучкой?

– Клава, я балдею! – воскликнула Шаша, – Да, он же у нас перегрелся!

– Индеец, мыслитель и воин! – сказал ему грозно Хорузя, – Пора отдохнуть от дел ратных и дум государственной важности! Походная труба зовёт немного охладиться! Пройдёмте! Пройдёмте!

И с этими словами он помог несчастному освободиться от футболки, скинуть шорты и прямо в сандалях и ветхой панаме направил горячее бледное хлипкое тело в прохладные полные воды.

От процедуры в оживляющей стихии Елесик завизжал, трусы его надулись в угрожающе большой пузырь, но, примирившись, выпустили воздух.

– Да, нынче мода будь здоров! – просипел Хорузя, омывая пациента, словно доктор.

– Да, но не нынче, а давно – с тех пор, как появились племена, носившие одни и те же шкуры. Но это ерунда. А вот, в двадцатом веке благодаря ей случилась сексуальная революция, и стали люди без разбору тыкаться, как стадо шимпанзе и говорить, что это настоящая свобода! – продолжил лекцию разгорячённый нетерпимец, – Вернулись назад к вавилонскому блюду, когда пришёл один хороший, очень добрый человек и объявил: "Свобода – это не бардак, а выбор!" – и выбрать трудно, и выбрав, трудно удержаться, ведь, если ты выбрал, то это уже не свобода!

– Один мой знакомый художник сказал по секрету: "Я могу убить кошку, но не хочу. Я хочу убить жену, но не могу!"

– Да? – удивился Елесик, надолго задумался и начал плескаться на мелком песочке, как малая детка.

Хорузя немного проплылся, торча бородатой своей головой, как ондатр.

Гумпо не имел ни малейшего представления о том, сколько пьёт его новое тело. Он находился в созерцательном, каком-то жизнерадостном анабиозе, воспринимая всё, как некую волшебную картинку, но, механически запоминая всё, что происходит.

А Шаша решила постряпать в песочке котлетки и вылепляла их из мокрой кашицы, переживая радость творческого созидания.

Елесик, охладив затылок, бодро соскочил, сел рядом с Шашей и стал ей рассказывать про себя.

– Когда я вспоминаю эту женщину, то умолкают счетоводы цифр, на всём ходу, вдруг, замирают самолёты неба, перестают жевать худые короеды, а птицы полёта ликуют, глаголят поэты гармоний, цветёт гонобобель садов, в степях жеребятся кобылы и даже космонавты изощряются в научных достижениях глубин!

Тут Гумпо напряг свои Ванины уши. Хоружа перенёс Елесика, как малое дитя, на ручках в тень и там усадил его бережно на бревно, поправив вялую панамку над очками. Лимпопо проверила – потрогала висевшую в ветвях одежду и вернулась к размякшим котлеткам.

– Первый раз, когда я увидел её, правда, видел я её уже не первый раз, – продолжил свой рассказ Елесик, – она гостила у слепой старухи, которая, наверное, не знала, кто там у неё живёт – она ни разу и не видела её. Я жил тогда в соседнем доме. Так, вот, первый раз я хотел познакомиться с ней возле дома, когда она вышла гулять. Я увидел в окно, что она уже вышла, решил догнать её и сказать, между прочим, "Какой милый вечер!" Я тут же бросился бежать, догнал её, но от волнения так громко пукнул, что резко повернул обратно, чтобы убежать и скрыться от позора, чтобы она меня случайно не узнала. Но, резко повернув, ударился об угол и разбился. Однако отскочил и в этот раз не смог к ней подойти. А через день мы натолкнулись друг на друга с ней в дверях аптеки! Вы представляете? И познакомились! И я назначил ей свидание. И вот, уже этим же вечером счастливый и радостный я лечу ей навстречу, раскинув объятия, и только помню, что она, раскинув руки тоже, вдруг, не весть куда, исчезла, как мираж! А это я свалился в люк. Она помогла мне подняться наружу, и мы с ней признались во взаимных симпатиях. Я сразу предложил нам пожениться, и она, видя мой неудержимый натиск, решила пойти и подумать. А я на это время объявил ей голодовку, сказав, что буду голодать, пока она не скажет "Да". Голодал, голодал и спился.

– Как это? – немало удивилась Шаша, которую привлёк его рассказ.

– Ну, я не знал, ведь, что она ответит! Вот, из-за этого и пил. Если ответит "Да" – от радости. А если "Нет", то, значит, с горя. А так – ни то ни сё – я не привык! Но, вот, наконец, позвонила! Я весь, как дикий жеребец, стою, высекая копытами – жду возле дома мою несусветную пташку – совсем изнетерпелся весь – уже не знаю, как с ума сойти! Смотрю – она проходит гордо мимо, сощурился презрительно, этак, глаза, как будто, пыльный ветер задует, и входит в дом, как будто, и не видела меня и не заметила совсем! Я весь, как курица без головы, поник, а она, вдруг, выходит из дома, увидела меня, и говорит: « Я впопыхах не те очки надела!» И сразу ко мне! И говорит мне «Конечно же – да!» Представляете, как я был счастлив? Как я взлобзал её!

О бубен вечного восторга!

Многоструйный фонтан моей радости!

Налитой помидор моей жизни!

Огурец моей первой любви!

Гваделупа очей моих страстных!

Вот, я сейчас, прошу прощенья, ничего не понимаю, но я и по сей момент, так счастлив, что все клапаны во мне трепещут и, значит, что всё это подлинно! Я пригласил её к себе и, посадив на холодильник, читал и пел свои прекрасные сонеты, которые сейчас не помню. А в час, когда все влюблённые шепчут "пусти!", я насильственно-нежно прижал её к сердцу и сам приласкался, как будь-то грудное дитя. Потом мы решили, что сразу же сделаем свадьбу. А свадьбу я запомнил плохо – только начало и самый конец. Серёдка словно стёрта. Говорят, что я спутал обычаи – стал выбрасывать в окна все старые вещи, как делается это в Рождество. Но окна открыть позабыл и разбил. Но дело-то как раз не в том, а в том, что бросила меня моя любимая на свадьбе – изменила! Да, был там у нас кое-кто – чей-то друг – теплотехник. Он только взвидит женщину, так сразу стойку делает, как кобель! Он пригласил мою невесту танцевать и сразу прижался к ней голым лицом! И она, представляете? Тоже прижалась к нему своим голым лицом! Наблюдать это их отвратительное сюсюканье я не мог и сказал: "Эй, ты, штуцер! Если я ещё раз тебя тут увижу, не миновать мне тюрьмы и пожизненной каторги!" Ну, и начал там мебель швырять и буянить! А потом, в эту первую брачную ночь я хотел задушить её, как Дездемону – пошёл уже, вытянув руки, но в темноте немного промахнулся и выпал

из открытого окна. Она даже вышла меня поднимать! Но я ей сделал обнимание и бросил навсегда. Пускай разводит трахикарпусы в своих горшках, а я измену не прощаю! Из-за меня все женщины дерутся палками, царапают соперницам глаза и выдирают волосы до облысения! Я что, цены себе не знаю? Гипертония чувств ужасная меня стеснила! Я ей назло привёл к себе её знакомую соседку и, посадив её на центр, играл вокруг неё на дудочке всю ночь, пока она не брякнулась со стула! Как долго я лечил сердечные ожоги! Переливал из чашки в чашку чай, потом подолгу дёргал ручку унитаза и с грустью наблюдал, как навсегда вода, струясь, уходит прочь из дома! Я даже всё перестирал и наизнанку вывернул шнурки! Всё равно я лишился покоя!

Теперь и не ем и не сплю, и уже не хожу в туалет.

Пенсионерки уступают мне дорогу!

Печален горький огурец разлуки!

Она называла меня сердцеед – "Насекомое Жук-Сердцеед"!

Да, я с тех пор цветы всегда сквозь зубы покупаю! – он стиснул зубы, обвёл всех набухшими увеличительными стёклами, и стало жаль его.

Хорузя сразу же налил в стаканы и сказал:

– А ну-ка взять и выпить! В тени этих ветвей плакучих напитков богов и героев заглушит наши вечные печали! В конце концов, это не Вечность! И что такое Вечность? Всего лишь мгновение в сравнении с Вечностью! И пусть, как говорят поэты, гудят громозвонкие трубы, а мы с вами выпьем за то, чтобы ни за что и никогда две различные точки не пересеклись в пространстве! Да здравствует Герой и Героизм! – и под сиренный рёв летящей электрички они все разом выпили, и крикнули, и показалось, что ещё не так уж жарко. И даже в Ванином затылке боль куда-то отошла.

– А вот, я со своей всю мою жизнь контрактирую. То есть, в смысле, контра она у меня. Или я у неё, – поперхнулся после выпивки Хорузя, – Что ни делаем, всё поперёк! Так, что, Лесик, ещё не известно, кто в жизни первый, а кто ещё только мечтает им быть! Я ей говорю: "Маленькая ты моя!" А она: "Я уже не маленькая!" "Большая ты моя!" "Ты скажи ещё, что огромная!" "Средняя моя!" "Что? Мерзавец ты и хам!" "Ну, такая, какая ты хочешь!" "Да пошёл-ка ты, собственник, знаешь куда? Моя! Моя! Что я, скотина какая-то, что ли?" «Ну, значит, наша! Наша!" "Гад!" Нет, сперва у нас, конечно же, была любовь-морковь, но после стал хрен редьке! То она начинает любить меня и говорит: "Дорогой, я тебя обожаю, но кормить совсем не буду, пока не купишь мне манто!" "Да, ты ни разу даже кофе мне в постель не подавала!" "Если будешь мне кофе заваривать, я тебе его буду в постель подавать!" Отключили под утро горячую воду. Прошу её: "На голову мне не польёшь?" Полила, понимаешь ты, прямо в постель! А зимой заболел, говорю: "Когда я буду ноги греть, ты посидишь со мной?" "В тазу? С ума сошёл?" Мне нравится, чтобы дома было светло, чтобы шторы тяжёлые были раздёрнуты. "А я, – говорит, – полумрак люблю!" Ну, так сшей себе на голову мешочек и сиди, как охотничий сокол! "А! Ты изверг! Издеваешься!"... Тут собачку решили себе завести. Ей охота болонку, а я люблю борзых – они изящные, хотя и плоские. А она мне: "Если заведёшь себе борзую, за шкаф её будешь засовывать, чтоб глаза мои её не видели!" И завела себе Рейтузика. Ну, это я его так обозвал. Бегают этот Рейтузик – болонка, орёт всеми днями без умолку – надоел пустобрёх до безумия! А она, как-то, сделала маску себе на лицо – для косметики – неожиданно вышла из ванной, Рейтузик увидел, со страху обделался и подох. Идём гулять, она ворчит, что я всё время чем-то не доволен – то лужа поганая, то памятник стоит ко мне спиной, то мальчик девочку неправильно несёт – не как дитя, а в позе Кама сутры – лицом к лицу и ноги её у него за спиной. Бухтит: "Ну, как с тобой гулять? Всё критикуешь, как брюзга, а, вот, меня, как он, нести не можешь!" Ну, я, конечно, так же взял её, понёс, да, в эту лужу

и упал – так в позе кама сутры и лежу на ней в этой жиже. «Вот! Теперь всё стирать! – кричит, – Мало того, что кручусь по хозяйству весь день, как Плисецкая, так ты ещё работу мне подкинул!» – и пошло опять курлыканье на час, а то и на все тридцать три! Ну, не зубать ты зря меня по пустякам! Все уши просверлила мне жужжанием! Я всё и так стараюсь делать сам! К твоему сведенью, я родился такой самостоятельный, что даже пуповину сам себе при родах завязал! Уйми ты свои непрерывные звуки! Имеющий рот, да, услышит! "А! Да, ты всегда со мной так подло поступаешь – как босьяк нерадивый! Зря я до замужества всё твоё гинекологическое древо не изучила!» Не гинекологическое, а генеалогическое! "Это ты что ли гений?» Для того чтобы мириться, стали часто выпивать. Только всё равно продолжали всякую глупую мелочь делить. «Вот, куплю, говорит, себе толстую тумбочку, сделаю бар, насую всевозможными винами, а тебе ничего из него не достанется – я его закрою на замок, а ключик выброшу в окно!" Потом всего меня изревновала! Столько вместе с ней живём, а всё ревнует и ревнует!

– Почему? – удивилась взволнованно Шаша.

– Да, я дома не сплю. То есть, спал, но не ночью – малость было – наблудил. Первый раз я признался ей прямо – как пришёл, прямо в ноги упал, так и так говорю, ты планета моя вождественная и прости дурака – захотелось фантазию воплотить! «Да, видала я такого космонавта, что с планеты на планету летает! Чем витать в фантастических облаках, лучше дома витай!" – и так далее целый день. А потом, наверное, подумала, простила и говорит мне: "Вставай!» А я встать-то уже не могу – оказался так пьян, что уснул на полу.

Тут, как сказано было про пуп и планеты, Гумпо даже встрепенулся и попробовал собрать своё внимание в пучок. Но всем показалось, что Ваня просто вздрогнул.

– «Ты всегда нагло врёшь!" – говорит она мне на другой уже день – продолжал сипеть Хорузя, – Нет, я всегда говорю только наглую правду! "Всё равно! Ты мне не верен! Истаскался и налево и направо!" Дорогая, как ты можешь говорить такое безобразие? Кроме тебя я никому не изменяю! Она взяла, куда-то сбегала и привела с собой ужасную колдунью, которая ночами прыгает по чердакам и сводит от бессонницы с ума, и попросила устроить мне порчу и сглаз. Но сколько та волшебница ни тыкала ножом в мой послесвадебный портрет, у жертвы, то есть, у меня, лишь прыщик выскочил на ягодице. Тогда жена мне говорит: "Ненавижу вас пьяниц с тех пор, как ты пришёл едва живой и укусил мою собаку!" Так, вот, от чего наш Рейтузик подох! А я-то носил этот грех на себе! А оказалось – адюльтер у нас взаимный! И это от какого-то чужого человека могла пропасть моя изящная борзая, когда бы я её завёл вместо Рейтузика! Вот, тут уж я поднялся на неё!... Тогда она мне с перепугу говорит: «Давай, мой суженый, с тобой помиримся и всё начнём сначала!" Сначала? И опять любовники пойдут? И что это за «суженный»? Меня никто не суживал в таких пределах! И так – ни то ни сё – мы пару дней прожили с ней до дня её рождения. А на нём я воткнул ей в именинный торт все свечи анузол, какие были в доме, и мы пошли к мировому, а потом в областной краеведческий суд, где я помпезно одержал убедительное поражение, потому что она женщина и с женщинами у нас равноправие. Потом я сгоряча женился в пятый раз. Но с этих пор я точно знаю, почему жизнь двоих ни в чём не повинных людей ехидно называют браком!

– Ну, ты и врёшь! – сказал Елесик, – Женился в пятый раз! Да, от твоей брехни трава кругом повяла и даже мухидохнут налету!

– Ну, может быть, несёт меня слегка.

– А ты прими таблетку!

– Швиштишь! Муму не поштижимо! – просвистнулось у Лимпопо сквозь дырку и запуталось.

– Да, хорошо, что всё закончилось без жертв! – парировал Хорузя, – Вон, Вяшкин, как-то раз зашёл к соседке, типа, чай попить. А та чего-то расшутилась, спряталась за дверь и,

только он прислушался – не муж ли поднимается в подъезде? – так резко крикнула, что бедный Вяшкин уронил на ногу чайник, обмочился, и так закончились их встречи навсегда.

– Всё это из-за блуда! – выдавил Елесик, – Я слышал, как одна несчастная избавилась от мужа. Подвела своего возлюбленного кассира к дому и говорит: "Ты, малость, погоди. Я только за аксессуарами домой забегу. Потом дальше пойдём." Забежала домой и шепчет мужу: "Скорей бери лопату! Там наш кассир с лимонами стоит. Баздохни его сзади!" Сама обратно побежала и кричит: "Берегитесь, кассир! Берегитесь! За Вами сзади мой ужасный муж крадётся! Лопатой хочет Вас убить!" Тут мужа-то её и повязали – людей было полно и всё напротив магазина!

– Бывает из-за жадности! – включилась Шаша, – Моя знакомая погибла из-за мужа-скряги. У них всегда водились деньги, но только он машину и любезности в семейной жизни никогда не применял. Идут из магазина. У неё через шею две сумки и в каждой руке по мешку, а он идёт с сигарой сзади: "Ты ноги шире расставляй! – кричит ей, – Джинсы протираются!" И вот, они решили юбилей отметить – десять лет. А за одно и пятьдесят. И даже всем так объявили – мол, сразу всё – потом не будет! Из экономии. Их кто-то пристыдил, так он ей говорит: "А, может, нам вина побольше взять?" – «Возьми, конечно, дорогой.» – «Тогда друзей побольше позовём!» – «Позови, дорогой.» – «Ничего ей не жалко! Что за расточительство такое разгильдяйское? С тобой этак ноги протянешь!» – «А мне ещё вечерний туалет на праздник нужен!» – «А днём, куда ходишь? Дневным на вечере и пользуйся!» Он так раздухарился, что намылил руки и задушил её руками в туалете. А на верёвку денег пожалел!

– Я слышал, как один рогатый муж, чтобы не оставлять отпечатки на шее, удавил свою жену за ногу. Говорят, что она очень долго кричала! – печально сообщил Хорузя.

– Рогатый муж – коровья жена! – заключил хмуро Лесик.

– Одна женщина заподозрила, что муж может её убить. Вернувшись домой ночью после очередного своего блуждания, она сделала из нижнего белья чучело, положила его на свою кровать, а сама ушла спать в поле. Утром возвратилась – чучело отравлено! – подключилась снова Лимпопо.

– А я знаю одного человека, – подхватил Хорузя, – которого бросила жена и написала ему об этом в письме. Прочитав её письмо, он налил почтальону вина и заставил его проглотить сообщение вместе с конвертом. Почтальон проглотил, заболел, прогулял целый день в отхожем месте и его уволили с работы. А один ловелас соблазнил стодвухлетнюю старую деву, но обманул её, и женился на столетней. А эта бабушка взяла и застрелилась. Но экспертиза показала, что убил её не выстрел, а резкий ветер от курка. А Клеопатра Египетская, говорят, отравилась, положив себе змею на левую грудь.

– Жена укусила мужа, муж укусил собаку, и все перегрызлись! – саркастически съязвил Елесик.

– Я бы сказал, что всё могло бы быть иначе, если бы они родили хоть одно сопливое дитё, – печально пробубнил Хорузя, – Но это же утопия, ибо в случае кризиса только дитё и пострадает.

– А ты чего молчишь сегодня, Ваня? Поправился маленько или нет? – сочувственно спросила Шаша.

Ваня глянул на неё, как малолетний сирота и как-то затаённо исподлобья, словно нашкодивший пацан, спросил:

– А я, скажите, кто такой? – и грустно хлопнул голубыми глазками.

Хорузя и Шаша безмолвно уставились друг на друга, а Лесик, как учёный астроном, степенно перевёл два замутнённых мыслью телескопа на объект и, словно доктор пациенту, тоненько пропищал:

– Ы-ы-ы!

– Обестолковел человек! – сказал Хорузя Шаше и, обратившись к Ване, заявил, – Пока ещё ты можешь задавать вопросы, я так тебе скажу, ты, Саша, не сердись:

Он приходил, не назначая ей свиданье,
И никогда не покупал цветы.
Он объяснял ей сущность мироздания
И, взяв на руки, уносил в кусты.

– А-а! – заголосила Лимпопо и, блестя глазами, поднялась, чтобы хлопнуть Хорузю, как давеча хлопнула Лесика, но тот увернулся и Шаша всем телом мякнулась в газеты, раскорячилась над ними, замерла, как сопка вверх местоимением. Но, распознав, что ничего не раздавила, беспомощно задвигалась...

Её под рученьки подняли, усадили и покачали для порядка головами.

А Ваня, как сидел, так и сидел, сосимый ответом на жгучий вопрос.

– Вот, это да! Он даже не помог мне встать! – удивилась она, отряхнувшись, – Когда знакомился и подсаживался ко мне, пока я не упала со скамейки, тогда помог! А сейчас чего? К "сёстрам" что ли ходил?

– К каким это сёстрам? – спросил удивлённо Хорузя.

– Да, он ушёл в тот раз, а я ждала его, как дура! А он потом наврал, что его украли инопланетяне! Потом к нему пришли развязные девицы, и он сказал, что это их родные сёстры! Ну, думаю, устрою им Содом и Геморрой!

Но дальше ей не удалось договорить – Гумпо встал, как фантом, и спросил:

– Где они?

– Да, кто, Ваня? Кто?

– Инопланетяне!

– Какие инопланетяне?

– Вы только что сказали: "Его украли инопланетяне"!

– Вы? Ты, почему меня на "Вы" зовёшь?

– Я Вас не звал! Мне надо знать, где инопланетяне и посмотреть на их корабль!

– Ну, всё! Ему не наливать! – сказал Хорузя.

– А больше и нету, – ответили Шаша и Лесик.

– Идём купаться. Далеко не заплывать! – Хорузя приподнял Ивана за плечо и вывел к водоёму.

Все кроме Шаши сидели в трусах. Она отстала раздеваться, но Ваня встал, как якорь, и обернувшись к Лимпопо, воззвал:

– Господа гуманоиды, как мне выбраться с вашей планеты? – В полосатых трусах, весь всклокоченный, честный и долго не бритый, он выглядел, как посетитель психиатра.

– Кончай комедию! – сказал Хорузя.

– Как можно улететь от вас? – спросил его Иван.

– А как приехал, так и убирайся! – ответил бородач и через силу повлёк охлаждаться.

Ваня начал ерепениться, пыхтеть и напрягаться. Детина ловко сгрёб его в охапку и, как младенца на крещении, засунул в воду.

Наблюдая акт насилия, стояла Шаша на коленях, шалашиком печалю брови.

Похожий на два перископа, как эгоист и сластолюбец, равнодушно плескался в мелком месте Елесик.

А Ваня оказал серьёзное сопротивление, и он был вынут и оставлен на сыром песке с печальной фразой:

– Уймись, алкаш! Но знай, что если солнышко тебя тут стукнет, я сдам тебя в больницу, а там ты полежишь, и увезут тебя в психушку! И будешь там рассказывать про НЛО не нам, а тихим людям!

– Что такое психушка?

– Ну, вошёл в свою роль, Смоктуновский! Тюрьма для таких лицедеёв, как ты! Забыл, сколько был в заточении Кутя? А он ведь только за алкоголизм! А ты нам белую горячку разыграл! На год, а то на два тебя упрячут, а там уж, как себя покажешь!

Гумпо пьяный, но сообразил, что надо быть поосторожнее с открытостью душевного уклада и с дрожью подозрения стал медленно с опаской помещать себя меж Лесиком и кромкой берега на глубину до полу локтя. И, как бы, между прочим, начал палькаться, но, тем не менее, настойчиво спросил:

– А что такое НЛО?

– Ты, может быть, уже закончишь придураться? – спросила голова Хорузи, которая в воде по уши боролась с течением.

– Да, – ответил Ваня кратко, – Но я забыл, что это значит.

– Что? "Придураться" или "НЛО"?

– Да. Оба.

– Послушай, Ваня, я тебе отвечу только в том случае, если ты сегодня больше не будешь прикалываться. Если, конечно, это не горячка.

– Да, – сказал Ваня и замер, как суслик в дозоре.

Голова, как-то пристально глянула на него, как-то странно сегментарно дёрнула мокрыми космами и медленно внушительно произнесла:

– НЛО – это неопознанный летающий объект, в котором могут прилететь инопланетяне, чтобы посмотреть, как ты тут придуряешься. А "придураться" – это значит, чушь пороть, которую ты порешь целый день. "Пороть чушь" – это значит говорить глупости, – на всякий случай добавил Хорузя, – Всё?

– Всё, – солгал Гумпо.

На самом деле после этого ответа у него возникла целая череда горящих и животрепещущих вопросов. Но он решил пока "затихнуть", однако, ни за что не отставать от этих гуманоидов, пока не разузнает осторожно всех подробностей о тех, кто может прилететь. А с теми будет всё гораздо проще. У этих слишком много нелогичного. Например, как это он и куда это он прикалывается в то время, как просто сидит своим задом в воде? В общем, потихонечку всё можно узнать, если сразу не попасть в тюрьму – неволя это смерть.

Пока он думал, он смотрел себе на пуп и параллельно размышлял – почему этот пуп не на спине, не ниже и не выше, а именно тут? – сидел и щупал сам себя.

Суча красивыми ногами, Лимпопо почти изящно подошла к нему и, трепыхаясь от нетрезвой качки, вошла в прохладную стихию и, погрузив своё богатое имение в живительную влагу, присела рядом и как-то бестолково и внимательно уставилась на Ваню. Но он, подавленный объёмом накопившихся вопросов, не обращал внимания на Шашу.

И та, ища поддержки, удивлённо посмотрела на Хорузю.

– Придётся отвести его домой, – сказал Хорузя, – Он, где-то сегодня умом повредился. Горький пьяница!

– Заодно питья ещё возьмём! – откликнулся, взбодрившийся плесканием, Елесик.

– А где я живу? – спросил Гумпо, но сразу осекся, подумав, что лишний вопрос сейчас лишний, – Шутка! – весело добавил он, немало испугавшись, что сейчас от них отстанет, и воскликнул, – Попить бы ещё эту жидкость богов и героев!

– Попить-то мы явно попьём. Только дома, – сказал Хорузя, как отрезал, – У тебя сейчас тень и должно быть прохладно. Давай одевайся, мой дарлин!

Ещё одно имя! – подумал Гумпо, но промолчал.

– Смотри, носки не на ту ногу не надень! – пошутила Лимпопо от радости за Ваню и сама же заржала, как пьяная лошадь.

Все засмеялись не над шуткой, а над Шашей.

– Александра, ты его не отвлекай, а то он тут до ночи просидит! – повеселел Хорузя, – А нам пора преодолеть горизонтальные бугры и удалиться в перпендикулярный рай, где ждёт нас радость возлияний нещадная и полная несбыточных мечтаний о непрерывном счастье и достатке! А эти тысячи и тысячи румяных, розовых и бледных ягодиц пусть вождельно подставляют щёки солнцу и, праздно улыбаясь, блаженно мокнут в пене волн далёких берегов! А нам пора идти, ибо хождение посуху даёт нам почву под ногами!

– Не почву, а асфальт! – заметил Лесик, наблюдая сквозь мудрые стёкла, как Ваня мается с носками.

Пока Хорузя, как Орфей, пел солнечную оду ягодицам, Ваня тихо пыхтел, менял носки с ноги на ногу, о чём-то думал и менял обратно. Шаша склонилась помочь ему одеться:

– Не оставлять же Ваню под рахитовым кустом!

Одежда высохла, но он так мучился, как будь-то, надевал её впервые.

Елесик пристально смотрел туда, где сонмы пляжников "румянят вождельно ягодицы", периодически косясь на полные ядрёного здоровья ягодицы Лимпопо, которыми она ему приветливо-открыто-праздно улыбалась.

– Ну, что? Всё хоккей? – Хорузя был уже одет и ждал.

– Всё бадминтон! – ответил Лесик.

– Поправился маленько? – спросила ласково Шаша у Вани, когда они закончили с одеждой, – Пришёл в себя?

– Подвинулся. Вернулся, – ответил он.

– Куда подвинулся?

– "Поправить" – это то же, что "подвинуть". И "прийти в себя" – это то же, что "вернуться". Так?

– Точно. Верно, – согласились гуляльщики, а Хорузя добавил:

– И вот, сподвинувшись сознанием, они все тронулись, и начался тяжёлый переход Суво-рова на летнее время.

ПЕРЕХОДЫ

— Каким путём пойдём, товарищи? — переходя железную дорогу, спросил у всех косматый бородач, похожий сразу и на Карла и на Маркса, идущего по рельсам с ночником — Елесик рядом с ним невероятно смахивал на комнатный торшер с двумя костлявыми худыми ножками под широчайшим абажуром шорт и тонкой шейкой под панамой.

— Вторым! Вторым! — заголосила Лимпопо, имея виду любую путь, лишь бы не тот, по которому они сегодня в экую жару скатились с Ваней.

Они пошли вторым путём через тупик.

По ходу Гумпо дико озирался, как окруженец, ждущий нападения железной колбасы, но в этот раз она не появилась.

По узенькой тропиночке они дошли до гаражей и, гаражируя вдоль гаражей, взошли на плоский горб бугра.

Дома здесь были словно брошены пригоршней Господа на произвол судьбы. Самострой представлял собой смесь небольших и низеньких хибар и подавляюще высоких башен, которая была разбавлена кудрями флоры — зелёными деревьями, кустами, клумбами и даже беспризорными, на первый взгляд, заборами. Здесь чувствовалось то тепло, которое мгновенно согревает душу — такое единение природы с человеком, в котором живётся спокойно, с добром и любовью. Над крышами низких домишек стояли старинные липы, а дальше над ними высокие белые стены теснили небесную высь, давая в сильную жару столь вожаделенную густую тень. Такие небесные скрёбы всегда создают во дворах непрерывный сквозняк, в котором летают воздушные змеи, воздушные птицы и даже пустые пакеты, которые кружатся долго, как птицы. И змеи завидуют им — ведь, все кульки летают без верёвок!

— Ой! Кошка с дерева упала и не может встать! — воскликнула печально Лимпопо.

— Она не падала. Она лежит под ним и спит, — растолковал Хорузя, — Смотри, какая лепота! — указал он своей шерстяной бородой на парящий по небу пакет.

— Да, лето — это хорошо! — вздохнула Шаша.

— Лепота! Лепотень! Лепотяттина! — крутил Елесик радостно панамой, — Красота! Красотень! Красотяттина! Ах, ты дрянь! Срамотень! Срамотяттина! — докрутив головой, он упал, как торшер, громыхнув костями об дорогу. Одно стекло в очках разбилось, выпало, и он стал похож на циклопа. Но сами очки не свалились — они были крепко привязаны тонкой верёвкой к затылку.

Он помолчал примерно полторы минуты, но до того натужно, что этого молчания никто не вынес, но и нарушить не посмел. Все преклонились к нему и скорбели, как по великому вождю или отцу народов.

Ему это очень польстило, и он сказал сквозь ротовую щель:

— Сегодня обязательно напьюсь!

И все сказали "Хорошо!" и тоже сильно захотели это сделать.

Внезапное несчастье всех сплотило и все, как будь-то, обострив своё внимание, настырно целеустремились к магазину.

А гордый Лесик, как Джузеппе Гарибальди, израненный в сражениях, хромая шёл за ними, как за своим отчаянным повстанческим отрядом.

Идти пришлось совсем недолго.

По пути им попала упитая тётка, которая, раскинув руки самолётиком, ловила транспорт посреди дороги. Машинок было здесь немного, и она успевала не дать им проходу.

— Вот, верный признак: где-то рядом магазин, – сказал однолинзовый следопыт.

— А, что? Хорошее занятие – ловить машинки! Не надо терять драгоценное время в тусовках, где женщины, мужчины и природа – всё превращается в предметы сделок! – раздумчиво сказал Хорузя.

А Гумпо отметил, что автомобили слишком примитивные, но всё равно казалось, что они по дороге порхают, а ласточки в воздухе звонко бибикают.

Высокая белая мачта, как кол в бесконечность, вонзалась в небесную синь, а рядом сквозь ветви деревьев виднелась какая-то фабрика, покрытая сплошь зеркалами и пластиком. Предназначения зеркал на стенах он не понимал, но было, всё-таки, красиво – в них отражались стены зданий, облака, деревья, птицы...

А, может быть, это были солнечные батареи или ещё какая-нибудь неизвестная чучупань.

Возле толстосукового дерева не очень крепко на ногах стоял какой-то очень крепкий человек в полосатой маечке и, куря специальную палочку, пристально бдил в беспредметную даль. Но тут он, видимо, немножечко вздремнул – сперва у него изо рта выпала курительная палочка, а потом он и сам упал. Упав на четвереньки, он увидел землю и сильно закричал:

— Земля! Земля!

Елесик пропищал ему:

— Куда путь держите, товарищ капитан?

Тот очень долго задирает свою всклокоченную голову, что бы увидеть место, из которого вышел вопрос, но Елесик его вразумил:

— Да, хватит уже путь держать! Отпустите свой путь!

— Вставайте, капитан, уже приплыли! – сказал Хорузя зычным басом.

И человек в тельняшке встал, поднял свои натруженные веки и, приложив ладонь почти к затылку, отпартовал:

— Задание выполнил. Какие будут указания в дальнейшем?

— Всё. Отдыхать! Благодарю за службу! – пробасил Хорузя, – Теперь пора на берег!

— В какую сторону? – спросил моряк.

— Иди по пальцу, – Хорузя распрямил свой перст и указал прямое направление на лавку, стоящую в глухой тени, – Азимут сорок. Курс на восток.

— Задание понял! Разрешите выполнять?

— Иди!

Морячок очень гордо – как флагман – отправился прочь по изящной дуге, высоко поднимая колени, да, так, что от ладного хода зачалили зубы.

Он перешёл через бордюр, потом, шага два-три спустя, стал перешагивать через него.

На данном направлении дуги стоял какой-то стенд с плакатами и всякой информацией, и все подумали, что он идёт его читать. Но голова его упёрлась в стенд, а ноги продолжали ход под стендом.

И стенд опрокинул его на затылок.

Друзья пошли к нему на помощь, но их опередила неожиданная тётка с тачкой. Привычно, как докер, она приняла морехода на тачку и, всякая скрипучим колесом, ушла в свою тихую гавань.

— У нас есть есть? – спросил Елесик возле магазина.

— Не всё же есть, надо и пить! – ответил вежливо Хорузя, – Иван, у тебя в холодильнике есть закусить?

— Согласен, – чётко произнёс Иван.

— Да. Надо взять. Напитков всевозможных очень много, но надо взять два литра "Благо", бутылку "шалопайского", две банки "Белой цапли" по сорок градусов на каждый оборот и огурец. А если будет лишнее, оставим.

— Чудес не бывает! – заметил Елесик.

— Вы тут в тенёчке посидите, а то там душно, – сказал Хорузя Шаше с Ваней и, заходя, добавил, – Если мы не вернёмся, считайте нас римскими цифрами!

Елесик, уходя, воскликнул:

— Ах! Только денежки летят!

— Какие денежки? Где? – удивился Ваня и стал смотреть на небо.

В тени, там, где служебный вход, пристёгнутый к решётке магазина брючным ремнём, стоял мужик и методически срывался в присед – колени сами преломлялись, но присед был не полноценный из-за ремня, который не давал свободы. От этого неполноценного движения мужик всё время обращался к маме: "Мать!", "Мать!", "Мать!". Но мамы где-то не было.

— Ну, что такое? Время-то идёт! – сказал он вдруг, и хлёстко вынув руку из кармана, нетерпеливо посмотрел на локоть.

Ваня и Шаша вернулись к парадному входу.

Какой-то юноша внутри елозгал по стеклу двери мороженым, а девушка снаружи эротически лизала этот след своим слюнявым языком и самовозбуждалась, закатив глаза. Она стояла и урчала, словно кошка.

Одноочковый Лесик и Хорузя, нимало не смутясь, прервали этот акт, и вышли все в поту, с пакетами наперевес.

Предав анафеме кондиционер, они перевели дыхание на мирный лад, и вся компания направилась кратчайшим ходом мимо парка, где на пленэре "художники чешут затылки", а "духовой оркестр лагает в городском саду".

— Но, только, мимо рвотной карусели! – попросил Елесик.

За поворотом улицы открылось широкое место, где на асфальте было много голубей, которых угощала крошками какая-то старушка.

— Голубей или голубьёв? – спросила Лимпопо у воздуха.

— Кто? Кого? – Голубей, – просклонял пернатых Лесик, – В общем, птица с названием "голубь".

Проходящая девочка топнула маленькой ножкой, и голуби разом подпрыгнули, Гумпо вздрогнул, а на асфальте остались только воробьи, которых из-за "голубьёв" было не видно. Голуби сели обратно, и воробьи опять накрылись ими. Бабушка не обращала на это внимание, и воробьи не очень-то смотрели на неё. Тут все клевали крошки и ужасно сустились.

— Это такие птицы, – думал Гумпо.

Но девочка и бабушка казались интереснее.

Компания уже шла мимо высокой ограды, за которой находился городской парк культуры и непрерывного отдыха. В парке было очень много отдыхающих и Гумпо тут, пожалуй,

простоял бы очень долго, но его увлекли мимопарковые проходимцы, отстать от которых он очень боялся.

Особенно бойко старался пройти мимо парка Елесик. Он шёл, опустив гневно голову, изучая стеклом свои ноги, асфальт и дорогу.

— А вот, и карусель! – сказала Шаша.

Елесик посмотрел на карусель, и его сразу стало тошнить.

От этого стало тошнить Лимпопо, но она отвернулась и еле сдержалась.

От сильного кружения в кишках Елесик закачался и упал.

Хорузя помог ему встать, а Шаша вцепилась в Ваню, и так они преодолели это опасное место.

Гумпо старался сбить шаг и идти невпопад, чтобы хоть как-то унять внезапную фантазию болезненного организма. От этого идти им с Шашей было очень трудно.

Елесик от внезапного несчастья сильно разозлился. Он захотел выразить всем окружающим презрение, заглушить свои страдания отчаянным свистом и сунул в рот два пальца.

От этого его опять стошнило.

Так, незаметно для себя, все оказались на огромной улице, где, не взирая на жару, кишела тьма народа, кругом гремела музыка и все галдели и жевали разом, а в воздухе был непрерывный хаос, беспредел рекламы и апофеоз.

Здесь небо было ограничено колодцем стен и пробивалось сквозь плакаты, зонтики, флажки и всякую другую мишуру.

Отдельных лиц людей нельзя было понять, запомнить или разглядеть. Особенно для Гумпо все они сливались воедино, как население восточных стран для европейца и наоборот.

— Какая суя! – восклицал Елесик, стараясь сгладить собственную слабость, – Толкутся шнырики, шныри и понарошки: шныряют толокнотики, рэпсуют брэкмэны и рэпсы табунятся! Машины, ленты, шарики... Что происходит? И куда все эти шарики машинки перевозят?

— Ты что? Серьёзно? – удивился Хорузя.

— Я, что, на комика похож? – амбициозно взъерепенился Елесик.

— Да, праздник же сегодня! – воскликнула вдогонку Шаша, – День города сегодня нашего Туренова!

— Международный день терпимости, – сказал Хорузя, возможно, намекая на жару.

— Что, есть такой праздник? – опять удивился Елесик, истолковав его слова буквально. Зачем такой праздник, когда и так все терпят каждый день? – воскликнул нетерпимец грязного разврата, адепт морали и владелец монолитного стекла.

И как бы специально для него порывом дунул праздничный нахальный ветерок, задрал коротенькие лёгкие подолы, и сразу две весёлые девчонки приятно улыбнулись нетерпимцу румяно свежо-нежными, крутыми трепетными попками.

— И девушки голыми попками машут! – воскликнул радостно Хорузя и густо низким рокотом заржал.

— И вовсе не голыми! – с обидой возмутилась Лимпопо, – Ведь, ты же видел там "уздечку"?

— Это такая тоненькая ниточка в прорезе? – спросил наблюдательный Лесик.

— Как ты можешь говорить такой срам? – обиделась Шаша.

— А вы не для нас этот "срам" надеваете и так демонстративно выставляете? – заметил Зоркий Стёкол.

— Нет, если красиво, то это не срам! Хотя, уздечка – это то, что у коня во рту, – заметил им Хорузя.

— А что прикажете считать красивым?

— Да, всё, за что стоит бороться.

— А что может сделать один честный индеец против целой армии подонков, отнимающих его землю – землю его отцов – при помощи сверхмощного оружия?

— А, вот, пожалуйста, муниципальня! – перехватил внимание Хорузя, чтобы избавиться от раздражения, – тут издают законы наши тугодумы.

— Хорузя, что ты говоришь? – вспорхнула испуганно Шаша, – Тебя арестуют!

— А что, Туреновская городская Дума уже звучит, как оскорбление?

— Слишком вольное сокращение слов! – возразил из-за стекла, как из-за кафедры, Елесик, – Свобода слова и свобода выражения – вещи разные! Так же, как отличаются признаки человека и национальные признаки человека.

— В нашем городе такая перемешка рас, что каждого жителя надо определить не иначе, как многонациональный туренбек и закрыть навсегда эту глупую тему, а то от этого уже тошнит, как вас от карусели.

— А что такое "бек"? – спросила Шаша.

— Восточный богатей.

— А если бедный человек?

— А бедного, как хочешь, назови, он на тебя в суд не подаст.

Что думал Ваня, было не понятно.

Гумпо, как мог, умудрялся смотреть на прохожих – на лица, одежду, походки, учился читать по названиям улиц и фразам рекламы.

А мимо двигались, стояли, сидели, подпрыгивали и шли высокие, низкие, стройные, корявые, стильные, чучелообразные, опрятные, неряшливые и всякие интересные люди, их дети, родственники и домашние животные.

На сцене пела какая-то тётка, покрытая вязаной скатертью в такой огромной шапочке, что на поклоне шапка спала и тётка стала не красивой.

Степенно гуляя, шли важные: мама, сынишка и папа, и все очень важно курили.

Какой-то щепетильный человек на каждом шагу вытирал свои туфли платком, однако, всё равно, вставал на землю.

Дама с тряпочкой на голове кривила-строила всякие смешные рожицы, как будь-то, кого-то дразнила. И у её другозадружковых детей были такие же наследственно-весёлые мордашки.

Мимо шли старые люди и новые.

Одна бабулька состояла только из плаща, а старичок её шёл к финишу.

Неожиданно замерло сердце, внезапно прервалось дыхание – очаровательное создание – милое хрупкое непостижимое – в воздушно-невесомом платьице, порхающем на лёгком ветерке, мелькнуло, как неуловимое видение и сладкий сон. Он даже не успел понять – просто с ним случилось что-то чудесное и ему невтерпёж захотелось подхватить это нежное существо и беречь! И не известно от чего, вдруг, стало очень хорошо – так хорошо – необъяснимо! Но девушка исчезла, словно испарилась, оставив лишь тончайший аромат приятной свежести.

И странно, что он не запомнил её!

Волшебное видение прервал горячий человек с орлиным носом, исходящим прямо от его затылка через темя и по козырьку надбровных дуг. Он ревностно оберегал кикимору, которая шарашилась на модных удлинителях-протезах и не могла по этому идти одна. И эта симпади-кая красавица "наклала" грим – хоть руки на себя накладывай! Протезы также были на её ногах и веках. Наверное, она зашла в салон автокосметики, и слесарь насолил её автомобильной краской, а волосы смотал в бабину, как буксировочный канат. Искусственная грудь торчала из

картонных колпаков и норовила выпасть и растечься, и, видимо, её оберегал горячий человек. От них струился утончённый аромат, но романтических иллюзий не было.

Но было много чистых, молодых и светлых глазок! И с наслаждением хотелось в них смотреть. Светлобрысые и разnobрысые головастики с весёлыми свежими личиками так шевелились и шумели, что их проводниковый человек издал ругательское слово, однако, детвора не утихала.

Прошли колонной одинаковые люди.

Враскачку прохилияли девка-парень, парень-девка и некое живое существо, и Лесик, как сквозняк, сквозь щель прошелестел: «Вот это гомосятина!» Гумпо не понял, что и кто, и оказался совершенно прав.

Промчались на колёсах пешеезды и шабуршатели прошабрали на досках...

Особый таинственный интерес возбуждали в Гумпо некоторые женщины с огромными, словно надутыми воздухом, животами.

— Эта женщина чем-то болеет? — очень мягко спросил он у Шаши.

— Ты снова запридуривал? — возмутилась та с такой измученной иронией, что Гумпо опять пожалел, что спросил. Решив загладить ситуацию, он очень бодро заявил:

— Шутка! — и очень бодро засмеялся, как ушибленный болванчик из мешка со смехом.

— Нашёл, над чем смеяться! — она так посмотрела на него, что он, не досмеявшись, оторвал свой смех от выдоха, — Беременность — и украшение и счастье! — договорила Лимпопо мечтательно-тоскливо.

С такими животами попадалось мало.

Зато попалась такая красивая тётя, что Гумпо едва не упал, провожая её поворотами головы. Она была беременная вся, как только могла — и с головы до ног и спереди и сзади, да так, что все богини плодородия могли сгореть в огне тоски и зависти.

С ней шёл беременный со всех сторон мужчина — раздвиньте щёки, нос не видно! — и говорил:

— Я нынче голодаю!

Красавица в ответ:

— Вы выглядите плохо!

На самом деле он был не такой красивый, как она.

Людей было жуткое множество, и всех разглядеть Гумпо просто не мог.

— Может быть, мы будем ехать? — заканючил, вдруг, Елесик, хотя, и шли они недолго и никуда не торопились. Глухая тень приятно выручала, и сквозняки старались, как могли, но Лесик продолжал:

— Ну, господа! Ну, организм-то не обманешь! Сосёт мешочек-то, сосёт! А что за автобус — "семёрка"?

— Седьмой, — ответил Хорузя, — А вон там видишь "шестнадцатый"?

— Вижу.

— Это "шестнадцатый".

— Ну, вот трамвай! Давайте на трамвае!? — занервничал Стекланный Глаз.

— Трамвай двойной. В каком вагоне хочешь ехать?

— А что? Есть разница?

— Да. В первом мы раньше приедем, а во втором быстрее — второй всегда стремится обогнать. Смотри: красавица идёт и попой трусики жуёт! — свернул Хорузя на родную тему, и снова заржал плотоядно и густо.

У Елесика даже стекло забренчало от гнева.

— Успокойтесь, Елисей, мы давно уже пришли. Не нужен нам локтемоторный транспорт. Там люди, как кишки всегда натолканы!

— Чего же мы кружим? – спросил уже гневно и страшно очкарик.

— Успокойтесь, Елисей! – завывала, вдруг, Шаша. Наверное, высокой моды насмотрелась, – Мы, конечно, в будущем живём, но во дворах копают трубы, как в далёком прошлом. От этого ямы. Мы только все их обошли и всё.

Двор был большой, тенистый и с деревьями. Липы и крепкие вязы давали покой и уют. Но ветерок-проказник, в людном месте раздевавший женщин, здесь только слабо шевелил листочками макушек.

В это время двор переходила пьяная компания. Она свистела, кричала – вела себя очень разнузданно. В ней было два верзилы и две женщины и некто, кажется, мужского пола старался весело бежать на четвереньках. У одного верзилы нижняя губа почти зашла на нос и он, как бы, выглядывал из-за неё. А у второго верхняя губа скрывала подбородок, и создавалось ощущение, что вот, сейчас она достанет до груди. Они бросались на деревья, гоготали и кривлялись.

— Да это братья-близнецы, – оповестил Хорузя, – Набубриков Веня, Колабриков Коля. А с ними однойцевые сёстры-близнецы. Забыл, как звать. А это? О! Да, это твой сосед Салошкин!

Услышав свою фамилию, некто Салошкин, как собака, быстро подбежал к Хорузе, кряхтя, поднялся потный и, оглянувшись, как шпион, забывший, где его тайник, печально заявил:

— Сильно-сильно Вас благодарю! Замечание очень полезное для здоровья! Чёрт меня дёрнул пьяным прикинуться – ни рюмки же не выпил! Здрасьте! – это он поздоровался со смурными старушками, которые сидели у подъезда, окаменев за восемьдесят лет, как сфинксы.

Разнополые близнецы, как бизоны, внимательно глядя на группу людей, не смогли в ней признать никого из своих, и двинулись дальше, совсем не заметив пропажу в ногах.

— Близнецы трепыхлявые! Наоборылороты вырождения! – начал свой плач этот некто Салошкин, но тут его прервал печальный стон, и все спохватились, что Елесика нет!

Но тут он вновь тоненько пропищал и, проблеснув печально стёклышком, бессильно выполз из-за будки.

— Ты чё скулишь-то? – пробасил Хорузя, когда компания остановилась, подбежав к Елесику.

— Да, током дёрнуло! Я думал – это туалет, а это – трансформаторная будка!

Его под белы ручки подняли, повели на скошенных страданием ногах к Ивану.

— Туалетов не хватает в вашем городе! – отрезюмировал Елесик.

— Туалета, как раз, в нашей жизни хватает! – парировал Хорузя беспристрастно.

— Спасибо вам, друзья мои, а то лежал бы я, багрянил бы румянцами закаты!

Компания скрылась в подъезде.

Старушки-сплетницы ожили для роптания.

— Собаки скромнее, чем наши соседи! – заметила одна, которая бойчее отмерла.

— Сидят, свои сплетни плетут языками! – ворчала Лимпопо, шагая по ступеням.

— Народный контроль, – объяснил ей Хорузя, – У них сейчас начнётся диспут о приличном воспитании и вскоре перерастёт в чемпионат мира по воспоминаниям. Распустили кошек по двору, а потом удивляются – почему это с детских колясочек стали теряться колёса!

Елесик ничего не говорил. Ведомый Шашей и Хорузей, он шёл по лестнице, переставляя ножи, как "цыплёнок табака".

А Гумпо шёл с котомками, разглядывая в полумраке коридорную стенопись, мелопись, гвоздопись и прочую чемпопалопись.

Кое-как они поднялись на второй этаж, и Хорузя сказал:

— Мастер тыка, открывай.

Ваня ткнул в дверь рукой, и она оказалась открыта.

ВЕСЕЛУХА

— Проходите, раздевайтесь, – хлопотал вместо Вани Хорузя, – Очки можно снять – у нас дома тепло.

Было видно – Хорузя и Шаша бывали у Вани.

В квартире было намного прохладней, чем на улице.

Сам Иван вошёл, как гость, робко, удивлённо озираясь. Но смотреть было не на что – жилище было холостяцким. В комнате стоял диван – "кровать-распложка", два стула и какая-то тряпочка вроде настенного ковра. На ковре висели шашки – чёрная и белая. Коробка от шашек была на окне, в ней скучал печальный кактус. Балкон был во двор, был закрыт. Хорузя окрестил его "подставкой для пельменей". В углу стоял журнальный столик.

Его придвинули к дивану, и к ассамблее было всё готово.

Хорузя и Елесик сели на диван, а Ваня приставил к столу оба стула.

Пока раскладывали снедь, за стенкой что-то гроыхнуло.

— Должно быть, твой сосед опять играет гирей? – спросил Хорузя Ваню.

— У нас когда-то за стеной жила глухая бабушка и, вдруг, однажды там заплакал маленький ребёночек! – заговорила Шаша, – Соседи очень удивились, а это оказалась её внучка или правнучка!

— Давайте ближе к делу! – тряс парализованным стеклом, напомнил всем Елесик.

И Ваня резко сел к столу, а Гумпо удивился быстроте его реакции.

— Похоже, пить сегодня бум! – окинув взглядом стол, определил Хорузя.

— Бум! Бум! – послышалось со всех сторон.

— Ознаменуем?

— А я теперь не знаменую. Я бутылую.

— Тогда по маленькой?

— Хотите вшей кормить из чайной ложки? Побольше наливай! – недоумённо пуча лупу, высказался Елесик.

— Что? По системе Айвазовского – о море, море?

— Давайте по системе Лобачевского. По этой – по параболе! – мигая лупой, уточнил Елесик.

— Вот, именно! – сказала обществу и, хлопнув сразу по стакану "Огнедышащей", зажмурилось от спазмы удовольствия.

Через минуту все почували себя античными богами, сошедшими с небес Олимпа, а у Елеси́ка вся электрическая дрожь ушла из ног куда-то в мозжечок, и лупа, не мигая, выкатилась из глаз, что выглядело очень экзотично.

— Ударим желудком по пиву? – предложил чернородый Вакх.

— Пиво есть – ума не надо! – возразил лупоглазый сатир, – Я, вдруг, с пива начал худощаветь, – заявил он, как ботаник на научном семинаре, – А где тут у вас ящик с грёзами?

— Ваня, где у тебя телевизор? – помогла Шаша Лесику.

— О-о-о! – ответил ей Ваня, качаясь.

— Ты хочешь какой-нибудь десятиллер? "Свистящий кулак", например?

— Я никак не могу посмотреть, что творится там между рекламой! – ответил Толстый Глаз, похожему на Бахуса, Хоруже, – К стати, Саша, я прошу прощения, а где Ваш зуб? Вы что? Халву с бетонной крошкой перепутали?

— Это Ваня меня научил! – с удовольствием ответила она, – Он угостил меня конфетками "Морские камушки" и показал, как надо их подкидывать, чтобы поймать потом конфетку ртом. Я стала их подкидывать и уронила на дорогу. А когда нашла её и снова вверх подкинула, одна конфета оказалась настоящим камушком. Но только надо их подкидывать, как можно выше, а то ловить совсем не интересно! Правда, Ваня?

— Моя третья тёща любила смотреть сериалы, где плачут, – забуркал Хоружа, – Она, как приедет, так всё время орёт и чему-нибудь учит – это, как измена родине, как бандитизм, наркотрафик и высшая мера! Я ей: «Приехала – молчи!» Она, как сядет, якорь пустит, её потом ничем не сковырнёшь, пока все серии не кончатся – по два полотенца за вечер мочила! Потом скипятит их и в банки закрутит – вот до чего, бывало, увлечётся и забудется.

Когда ущерб стал ощутим, она набросилась на порнофильмы и смотрела "Вверх тормашками" до той поры, пока не заразилась этим кувырканием и не пошла работать вместе с проститутками...

Тут Ваню мотануло так, что он едва не выпал из застолья.

От выпитого Гумпо стал терять сознание и понял, что потом он ничего уже не сможет больше потерять. К тому же, как он догадался, его тело было хозяином этого дома, и он решился на важный вопрос.

— Гуманоиды! – несоразмерно громко обратился, Ваня к собутыльникам, – Я прилетел к вам очень издалека, но где-то потерял свой скоролёт! Скажите, на чём же мне можно от вас улететь?

— Ты чё, простудился? – спросил бородатый, жуя бородой, – Не слышно – ты в нос говоришь!

— Надо в ухо говорить, – в тон посоветовал Премудрый Глаз, демонстративно оттянув для Вани розовое ушко в сиянии белёсенькой щетинки.

Переместившись ближе, Ваня громко повторил в оттянутое ухо:

— Помогите найти мой корабль! Или дайте, на чём улететь!

Лесик вжался в бок Хоружи, как младенец, запищал, будто раненный кролик...

— Корабль в микроволновке! В кухне! На столе! – загудел гигант басами.

Гумпо понял направление.

Пошёл искать.

Заглянул в микроволновку, в холодильник, в шкаф, но ничего там не нашёл.

— Ваня? – спросила Шаша в смысле "как дела?"

— Я не Ваня. Я Гумпо! – ответил Гумпо, резонируя пустой кастрюлей.

— А ты зачем к нам прилетел? – спросил дуэт из комнаты.

— Я просто гулял и хотел посмотреть... – звеня тарелками, ответил он из кухни.

— Гулял? По сёстрам, что ли? Наверное, выпить искал? Пойди давай пропись перед полётом! – отдал приказ Хорузя.

Слова "перед полётом" ободрили.

— А где корабль? Когда его увидеть можно? – вернулся он из кухни с паутиной на щеке.

— Об этом ты спроси "фээсбэбэ". Нет. Просто в «фээсбэ». Последняя "бэ" не нужна.

Там уфолотики и энэлологи – всё скажут!

— А, разве, этим занимается не армия? – таинственно спросил Елесик.

— А что такое "армия" и "фээсбэ" без "бэ"? – осторожно спросил Ваня-Гумпо.

— «Армия» – это «много», а ФСБ надо с "бэ" говорить, а то получится только "федеральная служба" без "безопасности", а нам такой лишний орган бюрократии не нужен! – увлечшись вопросом, ответил Елесик.

— Не. Армия этим не занимается, – отрезал Хорузя, – Мы с первой женой на участке в саду ковырялись, вдруг, фиу-лиу – какая-то штука летит! Режет воздух и шлёп – прямо в кучу навоза! Все замерли и все в навозе с ног до головы. Соседи подбежали: "НЛО! Не трогайте! Сейчас учёных позовём!" – Оцепили навозную кучу живой загородкой, стоим и друг на друга смотрим целый день, чтобы кто-нибудь пальцем не ткнул в эту жижу, а то вдруг ещё вылезет кто! Приехали учёные и даже генералы, пинцетами в навозе ковыряются. Достали неопознанный объект – железная пудовая болванка.

— А может быть метеорит? – спросила Шаша.

— А генералы говорят: "Вот, видите штамп: "Оружейный завод"? У нас таких метеоритов столько, что хоть из пушки каждый день швыряй, их хватит лет на десять! Сюда, наверное, случайно залетел..." Народ забунтовал: "А если в голову?" – "Хватит орать! – отвечает, – А то обнесём ваши дачи колючкой и будет хрен редьки не слаще!" Не. Армия этим не занимается, – закончил утвердительно Хорузя.

— А что такое "армия – это много"? Как это понимать? – не унимался Гумпо.

— Есть! – говорят солдаты – это и есть армия! – сказал Хорузя, – А есть всегда охота...

А ну-ка, направо! – скомандовал он, – Ты куда? Ты, какой рукой ешь?

— Обеими.

— А ну-ка, ровняйся! – скомандовал, как генерал, Хорузя.

По этой команде Ваня стал разглаживать свою одежду, расправлять на ней все складки...

— Куда это годится? – придиричливо разглядывая Ваню, возмутился Лесик, – Вот, мой далёкий родственник, но отставной полковник Шреер смертельно ранен был в одном бою тяжёлой вражеской гранатой – она ему попала в голову, однако не разбилась. И он оглох, ослеп и потерял сознание, но продолжал руководить сражением! Ему передавали информацию посредством указательного пальца, выстукивая шифрограммы Морзе прямо в лоб. Он точно так же отдавал приказы, которые такими вот, как ты, не выполнялись!

— Не. Энэло у этих быть не может! – твердил своё Хорузя, – Наверное, они у космонавтов. Однажды на орбите обнаружили какой-то неопознанный объект, который никому не отвечал. Когда его доставили на землю, нашли в нём иностранных космонавтов и записку: "Снимите нас отсюда! У нас закончилась еда. Спасибо! Умираем!" и подписи: Лю Си, Сунь Сю, Ци Ань и человек ещё пятнадцать или двадцать пять... А позже оказалось, что бомжи украли кабель от радара спутниковой связи. Так, может быть, они что знали?

Ваня от ужаса даже в лице изменился. Слушал внимательно. И если не трезвел, то приостановился безвозвратно угасать сознанием.

— А я однажды ночью прихожу домой, – таинственно опять же, сообщил Елесик, – смотрю – загадочный светящийся объект завис перед окном! Я пробовал с ним говорить – не отвечает! Потом дразнил его, как ненормальный, языком, а он висит, молчит и смотрит на меня! Я даже психанул и, как швырнул в него чугунной пепельницей – только склянкало, словно стекло, и погасло. А снизу сразу закричали: «Вот! Не успели нам фонарь повесить, его уже разбили паразиты!»

— А у меня: один чувак допился до чертей и пошёл искать клады, – откликнулся сразу Хорузя, – По старинному поверью на "счастливого петуха". Ну, то есть, за фантомом петуха, которого, когда он остановится, надо ударить и крикнуть: "Аминь, петух, рассыпся!" И тут под этим петухом и будет клад. Так он ходил два дня по лесу и всё никак не успевал ударить петуха, а когда тот, всё-таки, замешкался, ударил наотмашь и крикнул: "Аминь, петух! Рассыпся!" Только тот не рассыпался, а оказался шефом местного участка милиции. И моего знакомого арестовали за издёвку над животными. На суде оказалось, что он уже болен...

— А я слышала, как мужчина и женщина жили три года в лесу в глухомани, и каждый день пили спирт из пропавшей цистерны. А на четвёртый год под лавкой обнаружили ребёнка двух лет. Наверное, его подкинули пришельцы?

— Когда я лечился от белой горячки, – открылся вдруг Елесик, – у нас в палате был один уфолог, так он рассказывал, что он всё время видит инопланетян и с ними говорит. Однажды он видел, как ихняя лошадь сидела высоко на дереве и грызла копыта, а всадник стоял на земле и не мог вспомнить её имя. Уфолог попытался было с ним поговорить, но от расстройства потерял рассудок.

— Тут есть какая-то загадка – государственная тайна, – поддержал Хорузя, – А для разгадки требуется чудо. И не только чудо, но ещё и юдо.

— А чем отличается государственная тайна от коммерческой? – спросила для чего-то Лимпопо и затуманила глаза, как будто, размечталась о богатом принце.

— Коммерческая тайна – это совокупность сведений, за которые могут убить, – ответил ей Хорузя, – а государственная тайна – совокупность сведений, которая известна всем врагам. Зачем тебе знать это, Саша?

— А я однажды видела мужчину, который нёс в одной руке бутылку, а в другой стакан, и не известно как держался на ногах... Как я могу понять такую тайну?

— А рожки у него не выставались?

— А у меня такая тайна тоже есть! Я как-то в лифте кнопку с колокольчиком нажал и лифт остановился. Дверь распахнулась, а там стояла горничная с колокольчиком и звонила в этот колокольчик, звонила... И так дребездонила этим своим колокольчиком, что я снова нажал на эту кнопку и снова поехал. Как я могу понять такую тайну?

— А я однажды так надрался, что надо мной пронеслась настоящая фея – красивая женщина, но без трусов! Я даже голову поднять не смел! – мигая набухшим стеклом, робко выдал тайну Елесик и тяжело вздохнул, – Давайте перепереименуем День Терпимости в День Энэлотики и будем бутылковать его, как дату? И уфолотики и энэлологи – все будут счастливы!

— Они издеваются и не хотят говорить! Но надо набраться терпения – вывести! – с трудом думал Гумпо.

Он вышел на балкон и сел там прямо на пол, как бродяга.

А птички стрекотали и чувыркали в деревьях, как чуждая живность на чуждых ветвях. Кошачий зверь дремал в тени листвы, качая хвост.

А голова кружилась, и качалось небо.

Питьё придавало какие-то странные силы: он мог соображать, но как-то бесконтрольно, смутно и бессвязно.

И, вдруг, откуда ни возьмись, повис над ним варёный, тёплый, белый пирожок. Он был один и очень соблазнительно сам предлагал себя для жертвоприношения. И Гумпо поддался соблазну – повлёкся и дошёл за ним, открывши рот, до самого застолья. Но, вдруг, пельмешек оказался в голове Хорузи и потерялся у него в лице – в усах и в бороде. Пельмень на самом деле оказался слишком близко от другого человека, и даже Шаша растерялась от такой внезапной преждевременной утраты.

— Это что? – удивлённо спросила она у проглота.

— Картошка Хрю, – ответил ей Хорузя, показывая на картофель фри, – Вы, что, не видите? У нас говение. Отведайте и вы.

— Прожуйся, а потом и говори! – нацелив лупу, сделал замечание Елесик.

— А у тебя у самого, что пенится во рту?

— А ты траву помыл? – спросила Шаша Ваню, – Ведь, я тебя просила вымыть!

— Я помыл её с мылом, как ты свои руки.

— Огурцы тоже мыл?

— Да помыл их и вытер, когда все порезал.

— Ты додуришь! Сдадим тебя по настоящему в психушку! – сказал Хорузя, глядя, как Елесик выпускает пузыри.

Ваня сник, как дитя, а Гумпо вдруг насторожился.

Лимпопо зачем-то мстительно съязвила:

— Какие, должно быть, свободные эти инопланетяне! Делают, что захотят! Летают, где попало! Как я им, должно быть, завидую!

Гумпо даже передёрнуло – никогда в жизни он не испытывал такого саркастического жара. Пот прошиб его, даже тело всё взмокло, но он смолчал и параллельно про него подумал: «Надо же, как мы сроднились!»

— Это ужасное слово "свобода"! – затарабарзил косматый гигант, – Делать, что захочешь, невозможно уже только потому, что у всех остальных две ноги, все примагничены к земле – человек абсолютно несвободное создание! И он, как, впрочем, и всё остальное, настолько неотрывно завязан в природе, что дёрнешь за верёвочку на кухне, и это дёрганье тут же отразится в двадцать пятой галактике в восемнадцатом измерении! Или всё наоборот – ты идёшь и дёргаешь уже "потому что"!

— А как же богатство? Ведь, деньги – это власть, а власть – это свобода! Всё делают тебе другие. Ты только фантазируешь и платишь исполнителям чуть-чуть, а сам свободен! – возразил Елесик.

Они вернулись к теме, о которой говорили давеча на берегу.

— Деньги, свобода и власть очень сильно магнитят друг друга – из этой пирамиды сложно выбраться! Подумай у кого свободы больше – у большой "шестёрки" в общественной пирамиде или у мелконькой сошки? Имущие счастья не видят, они только пашут и пашут – остановиться и подумать им невероятно страшно – покоя деньги не дают! Эти люди боятся оторваться от своих корост ради большей свободы, которую они не понимают. А для воров, которые нажились на сомнительных сделках, жизнь и без того нелегка, ибо они несчастные уже наказаны тем, что они даже не понимают, что они воры. И рабам – владельцам этим за большую нервотрепку требуется огромный отдых на далёких островах, только он им не впрок. Им, например, всё время надо думать, где бы ещё надо вырубить лес, чтобы нажить ещё копеечку, ведь, денежек-то бедным им всё время не хватает! Они несчастные несут свой тяжкий крест, как стопроцентную гарантию того, что ждёт их смерть вечного небытия! Потому что то, что они наделали, уже никак не восстановишь, а стало быть, и прощения им не видать. А всё из-за того, что захотелось быть свободным сей секунд и ни минутой позже! Спроси из них любого – имея

лучшую машину и одежду, доволен ли он жизнью? Увидишь, почему душа его дрожит, будто свиначий холодец.

Елесик сосредоточил у себя под носом глубокомысленную морщину и контраргументировал:

— Но, где предел свободы? Ведь, можно стать совсем свободным!

— Ну, что ж? У каждого свой "Крекс-Фекс-Пекс"! Но лучше быть вне этой пирамиды!

— Я просто наводку на мысль хотел дать! – заметил Елесик, переисполнив мудростью стекло.

— Ты лучше бы на пиво дал! – парировал Хорузя.

— Ты говоришь так, потому что нищий! – вдруг возразила Лимпопо Хорузе.

— Тут, Саша, смотреть надо, кто и в чём нищий! Вот, у меня, допустим, один заводик, а у тебя их десять. Конечно же ты побогаче. Но был ли нищим Диоген?

— А это кто?

— Вот, ты ответила. А я не могу насладиться, надышаться красотой и этой жизнью – мне её мало! Она мне запрещает делать деньги ради денег, теряя волшебные дни, может быть, моей последней жизни на Земле, которая – моё подлинное богатство. А что касается пирамиды, то, если у тебя две руки, две ноги, то уже по определению ты часть неё. Если ты хочешь быть вне её, то выбирай тюрьму, психушку или многие бытовые лишения – вот, почему это слово "свобода" такое ужасное! Я против любой системы, которая вынуждает, насилует и заставляет, но другой системы просто нет, а если и появится, исчезнут сами государства. Но только свободный человек может уповать на справедливость и быть справедливым!

— Всегда найдётся тот, кто пожелает притеснить свободу человека! – печально подтвердил Елесик.

— И даже, когда человечество постигнет гравитацию, найдётся спесивый болванчик-божок, не постигший азов уважения. Только он сам об этом, как и ныне, знать не будет! Вот, и подумай, в чём богатство!

Старательно вникая, Лимпопо, извопросила бровь, и сказала:

— А у слона нет паспорта! Он человек свободный! Но он спасает всё стадо от засухи!

А Гумпо после их «инопланетных» разговоров стало скучно и он, как мог, пытался изучать себя в пространстве.

— Я, – говорил он, скромно сидя в уголке, и слушал звук своего приятного баритона. И повторял, разлагая "я" на "и" и "а", – Иа, иа...

Потом он что-то бормотал, и всем казалось, что он что-то говорит на четырёх различных языках, одновременно.

— А я не понял, можешь ты открыть пошире рот, чтоб было всем понятно? – спросил его Хорузя.

— Я, что, опять в нос говорю? – удивился Иван.

— Если носом говоришь, то нос открой! И зачем ты платок затолкал себе в нос?

Ваня вынул платок из ноздри и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.